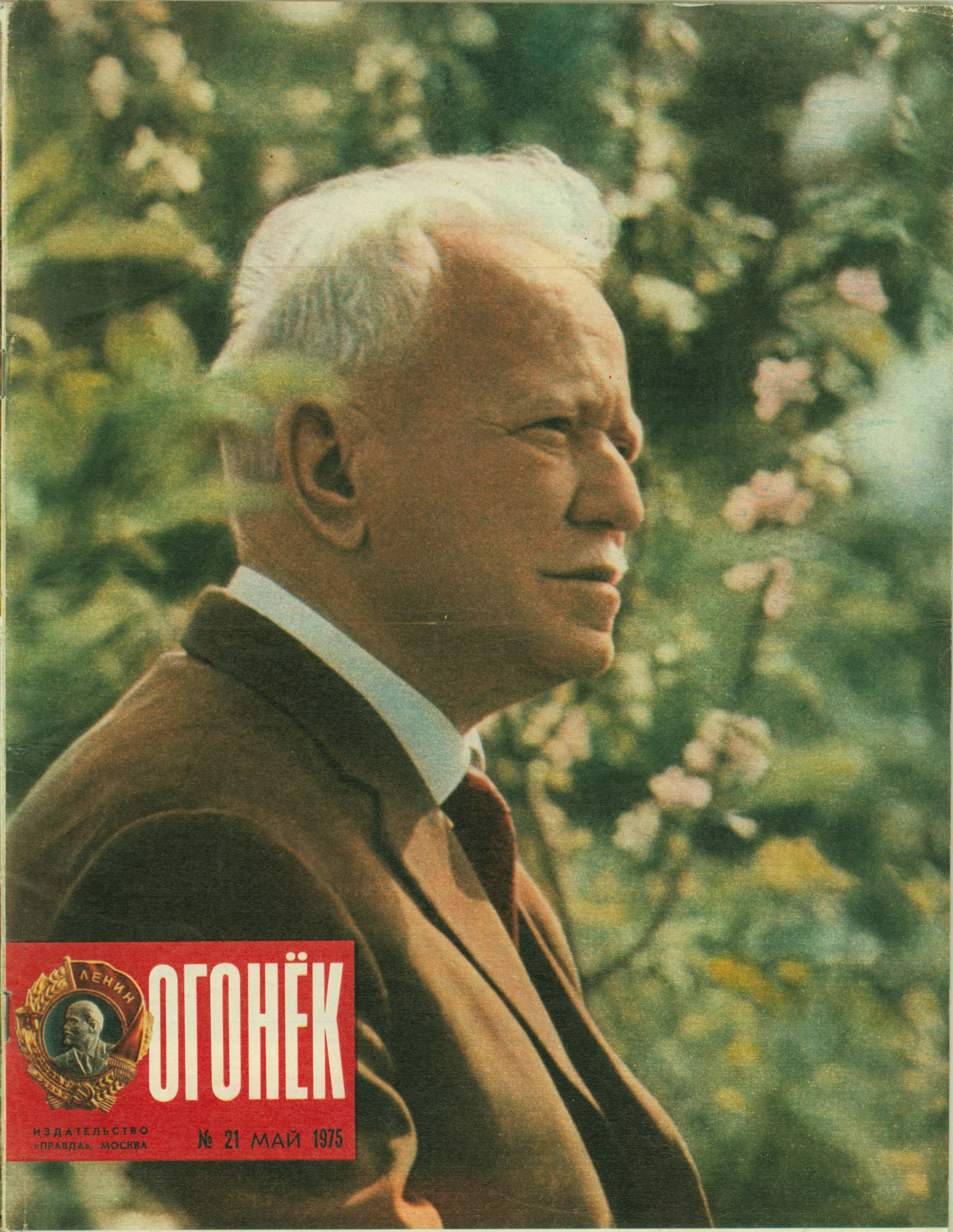

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1975

Мастер комбайновой уборки Федор Куприянович Изотов. Его цель — пятьдесят звездочек на бункере «Сибиряка».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2498)

24 МАЯ 1975

СИЛЬНЫ

Утро года. Сразу же после дождей пшеницу подкормили.

Новые задачи хлеборобов Кубани: убрать зерно последнего года пятилетки за 8–10 календарных дней; увеличить производство сильной пшеницы до миллиона тонн

Николай БЫКОВ
Фото Б. КУЗЬМИНА

НЕ ЦЕНТНЕРЫ, А КАЧЕСТВО

На землю пало первое тепло. И степь за Лабой улыбнулась так солнечно, так зелено, так молодо! Озимь потянулась к синим песням жаворонков, стала шелковистой и вдруг побежала, потекла под ветром; теперь не подобие травы, а хлебное поле на вырост...

— Витя, в пятую!

— Уже там...

Шофер припал к рулю распластавшейся в зеленях «Волги», словно к луке седла. Он с полуслова понимает председателя, Федора Ивановича: «Уже там...»

Мчим в пятую. Куда же еще! Пятая бригада ордена Ленина колхоза «Кавказ» знаменита урожаями, организацией труда, хваткой и ладом большой крестьянской семьи, новой оплатой труда. И, конечно же, бригадиром! Много лет ее возглавляет Анна Васильевна Черепова. Анна Васильевна — заслуженный агроном республики, Герой Социалистического Труда, человек авторитетный в колхозном городе Курганинске да и во всем крае, славном своими начинаниями и урожаями. Только заговорила в тот мартовский день Анна Васильевна не о севе, даже не о поздних дождях, а о... жатве. О жарком грядущем июле говорила в марте Черепова. И председатель Федор Иванович Тетерников, и Алексей Петрович Тронин, главный колхозный агроном, и секретарь парткома Петр Михайлович Горкунов — все внимательно слушали бригадира пятой, соглашались с ней. И было непонятно, почему о жатве говорят в марте.

— Мне, Федор Иванович, путевку вчера предложили,— словно не по делу, некстати сказала Анна

Й ХЛЕБ

В ИНТЕРЕСАХ СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению члена Совета революционного командования, Председателя Совета Министров Ливийской Арабской Республики майора Абдель Салама Ахмеда Джеллуда с 12 по 15 мая 1975 года в ЛАР находился с официальным визитом член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Состоялась встреча А. Н. Косыгина с Председателем Совета революционного командования Ливийской Арабской Республики полковником Муамаром Каддафи. В ходе этой встречи, которая прошла в дружеской обстановке, имел место обмен мнениями по современным международным проблемам и некоторым другим представляющим взаимный интерес вопросам.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и членом Совета революционного командования, Председателем Совета Министров ЛАР майором А. С. Джеллудом состоялись переговоры.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере дружбы и взаимопонимания, были рассмотрены отношения между двумя странами, а также положение в арабском регионе, на африканском континенте и другие актуальные проблемы современной международной обстановки.

Во время обсуждения двусторонних отношений стороны выразили свое удовлетворение нынешним состоянием сотрудничества между двумя странами в различных областях и вновь подтвердили свою решимость укреплять и расширять это сотрудничество в интересах обоих дружественных народов.

Стороны особо отметили важность арабо-советской дружбы и дружбы арабов с государствами социалистического содружества. Они призывают к ее упрочению и углублению на основах взаимного уважения, будут добиваться укрепления этой дружбы во всех областях, рассматривая ее как один из важнейших факторов, способствующих успеху освободительной борьбы против империализма и колониализма.

Особо отметив важность политического сотрудничества для активизации и гармоничного развития советско-ливийских отношений, стороны договорились о проведении регулярных консультаций на различных уровнях по представляющим взаимный интерес наиболее актуальным международным проблемам и основным аспектам двустороннего сотрудничества.

В ходе визита Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина было подписано соглашение о культурном сотрудничестве между Советским Союзом и ЛАР.

Во время переговоров.

Васильевна.—Ой, хороша путевочка! В Кисловодск. Думаю, нельзя упускать. А сейчас позвонила, отказалась. Да не то что дожди или сев свеклы настораживают. Уборка — вот что меня заботит. Все мысли о ней, вот беда наша. И радость, это само собой,— смотрит весело в мою сторону Анна Васильевна. И теперь уже специально для меня: — В прошлом году вот так-то уехала, а прозвонила рублей пятнадцать, правда. И знаю, что ничего в бригаде не случится, что только мешаю звонками, а душа все равно не на месте, вот и названиваю во все пределы!

— Да почему же так? Когда же отдохнуть, если не в марте, не в апреле: до жатвы еще дней сто, никак не меньше!

— Да, да, конечно, не меньше ста дней, самая вегетация, но ведь и самая борьба за урожай, — негромко, будто теперь только сама себе, говорит Анна Васильевна.— У нас, в пятой, вы-то, наверное, в курсе, не от колеса работают, а от хлеба. Да, не за гектары, а за центнеры, за те, что в амбар свезены. Центнеры, они только после обмолота слово скажут. Чтобы он был, намолот, работаешь деньденьской да еще ночь прихватишь. А времени для отпуска, получается, и нет вовсе. Конечно, все отдыхаем, и лечимся, кому предписано, и путевки используем, но я к тому, что урожай делают не в один день, не в страду, даже не вчера, а сейчас! Видите, розы высаживаем. Тоже хлебом обернутся — зерном. Очень уж рано вы приехали, а то у нас тут на полевом стане и розарий свой и ночная фиалка царит. Мы недавно посадили еще новых роз, березок, ивушек. Для настроения. Значит, все для него, хлебушка. То есть для работы в радость. Завершаем пятилетку, это что-нибудь значит, задачи-то какие большие...

Анна Васильевна сощурилась на поднявшееся солнце, платок отбросила, а надела косынку полегче да поярче.

— Вот дома у меня платок так платок, с такими цветами!.

И снова о нем, об урожае.

— Средний урожай по колхозу за четыре года перевалил за сорок три центнера, а в бригаде — пятьдесят один и больше, так это же не от неба! От людей, от земли. Ячмень дал местами до семидесяти пяти центнеров.

— Ого!

— Шо «ого»! По нынешним-то временам не центнеры нужны, а качество.

Анна Васильевна повела за стан, в зеленую степь, на мягкие ковры озими. У дороги то и дело попадались алые таблички. Бригадир пояснила:

— Про сильные пшеницы слышали? Так вот мы уже сейчас участки определили. И карту специальную составили. На ней все участки помечены, где особый уход за пшеницей, чтобы зерно продать как сильное.

НАЧАЛО

Борьба за сильные и ценные пшеницы — новь Кубани. Это большие задачи, за решение которых хлеборобы Кубани берутся в преддверии XXV съезда партии.

Об этом еще в Краснодаре рассказывал мне первый секретарь Краснодарского крайкома партии Сергей Федорович МЕДУНОВ:

— Дважды орденоносная Кубань славится своими урожаями. Пшеничная степь не первый год дает более двухсот пудов с гектара.

Мы идем навстречу XXV съезду партии. И люди задумываются не только над тем, как лучше закончить девятую пятилетку, но и над новыми задачами, выдвинутыми жизнью. Всем хочется встретить очередной партийный съезд новыми успехами, работой на принципиально новом уровне, я бы сказал, работой качественной, достойной нашего времени.

А время ставит новые сложные задачи. Первая — мы должны научиться убирать зерновые за восемь — десять календарных дней. Когда-то о такой оперативности не смели и заикнуться. То была мечта, теперь дело. Стало больше техники, лучше организован труд. Борьба за урожай начинается с лета предыдущего года. Например, еще в июне 1974 года бюро крайкома партии и крайисполком рассмотрели меры по увеличению заготовки сильных и ценных пшениц.

Вот я и назвал вам вторую задачу, стоящую перед хлеборобами Кубани.

Повышение качества зерна — большой резерв. У нас организован краевой штаб, в него вошли руководители всех заинтересованных учреждений. В районах созданы такие же штабы по уборке. Будут действовать и оперативные группы по отбору сильного хлеба. Недавно в Ейске провели краевой семинар, мы назвали его «академией сильного хлеба».

Такое серьезное внимание к качеству кубанской пшеницы увеличило, естественно, объем работ. И тут решающую роль играют дружба, деловой контакт хлеборобов с учеными. Всемирно известный селекционер Павел Пантелеймонович Лукьяненко оставил нам величайшее наследие. Без малого миллион гектаров зернового клина в крае был отдан в минувшем году его «безостой-1». А именно этот сорт дает сильную пшеницу.

Сорта Лукьяненко очень отзывчивы на агротехнику. Однако применить ее — это полдела. Важно не обезличить участки сильной пшеницы. Не обезличить сильный хлеб на токах. Уметь собрать его. И суметь продать — это тоже важно! В Ейском районе были даже установлены единые дни продажи сильной пшеницы!

В каждом хозяйстве и нынче площади уборки сильного хлеба будут определять специальные комиссии. А на трассе ток — элеватор сильному хлебу будет всегда зеленая улица. Короче говоря, хорошо продуманный комплекс мероприятий, помощь ученых, заинтересованность хозяйств и государства позволили уже в минувшем году засыпать в закрома более ста шестидесяти двух тысяч тонн сильной пшеницы.

Пока это — лишь начало.

Краевая партийная организация ставит задачу увеличить производство сильной пшеницы до одного миллиона тонн в год! Продажа Родине хлеба высокого качества должна стать доброй кубанской традицией.

ВЫСОКИЙ, ОБЪЕМИСТЫЙ...

Что же такое сильная пшеница?

Известно, например, что сорт «безостая-1» завоевал любовь земледельцев и у нас и за рубежом. Он обладает ценными мукомольными и хлебопекарными свойствами. Его как раз и отличает от старых сортов способность создавать клейковину. Не секрет, что при выращивании этого сорта в производственных условиях, особенно при низкой агротехнике, иногда получают товарное зерно плохого качества. Значит, высокие наследственные свойства сорта не реализуются. А это дискредитирует и его создателей и тех, кто взялся его выращивать, погнавшись за увеличением вала.

Так вот, настал момент, когда кубанские хлеборобы задумались над ценностью своего знаменитого хлеба. Стране нужно не зерно вообще, а нужен хлеб с высоким содержанием белка. С высоким со-

ВСТРЕЧИ В ТУНИСЕ

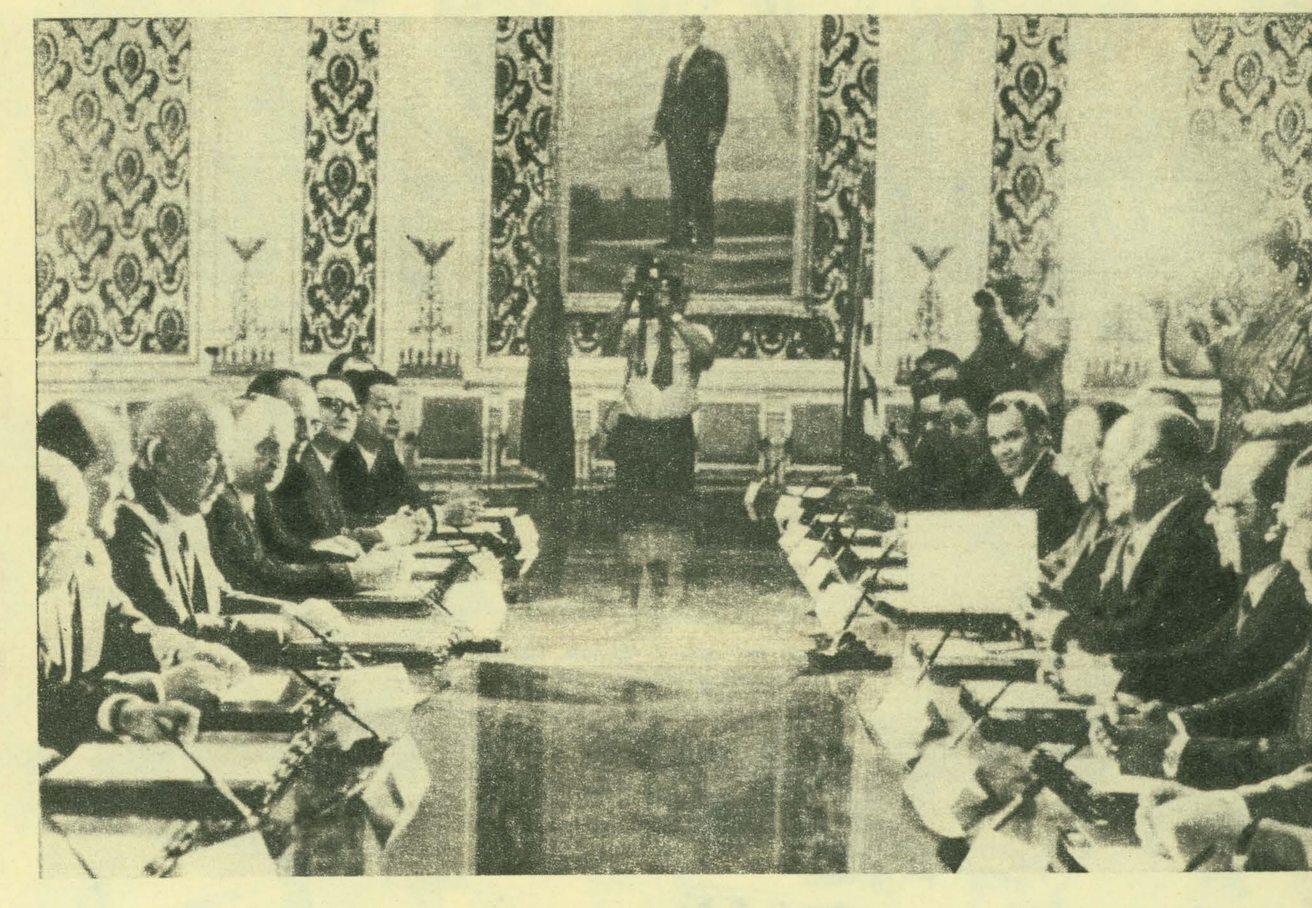
С 15 по 17 мая 1975 года по приглашению президента Тунисской Республики Хабиба Бургибы в Тунисе с официальным визитом находился член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин.

Во время пребывания в Тунисе А. Н. Косыгин имел беседы с Президентом Тунисской Республики, председателем социалистической дустуровской партии Х. Бургибой.

В ходе бесед, проходивших в откровенной, дружественной обстановке и в духе взаимного уважения и понимания, были рассмотрены состояние советско-тунисских отношений и перспективы их дальнейшего развития. Состоялся также широкий обмен мнениями по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес.

Обе стороны выразили удовлетворение состоянием отношений между СССР и Тунисской Республикой, которые развиваются на основе равноправия, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и отвечают коренным интересам народов обеих стран, служат делу упрочения мира во всем мире.

Во время пребывания в Тунисе А. Н. Косыгина была подписана программа культурного и научного сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Тунисской Республикой на 1975—1976 годы.

Советско-тунисские переговоры.

Телефото специального корреспондента ТАСС В. Соболева.

держанием клейковины. Такое зерно, которое давало бы отличную муку, пышное тесто и хороший припек. Зерна такого все еще мало.

Сильная пшеница дает муку особенную. Ее свойства, сила проявляются не только в центнерах с гектара, но и обязательно в тесте. И в хлебе. И еще точнее: в выходе хлеба с гектара! Мука из сильной пшеницы поглощает больше воды. Она хорошо замешивается. А тесто из такой муки выдерживает длительное брожение, оно устойчиво при механической обработке на хлебозаводе. Хлеб из печи выходит высокий, объемистый, пористый. Вот почему муку сильной пшеницы добавляют в обычную, у которой невелик процент клейковины.

ЗОЛОТОЙ КУРГАН

Зеленая степь дышала легко и влажно. Жаворонки славили новую весну. Славили все сущее здесь, на земле. Утопая в озими, мы уходили с Алексеем Петровичем все дальше от дороги, в глубь озимого разлива. Тронин — главный агроном колхоза. В колхозе «Кавказ» он уже лет восемнадцать. «Вполне совершеннолетний!» — то ли в шутку, то ли всерьез обмолвился Алексей Петрович. Думаю, что всерьез сказал. Алексей Петрович — тоже заслуженный агроном республики. О хлебном растении он может говорить часами, страстно и в то же время как-то заземленно: натура зерна, размещение семян при высеве, число колосьев и число зерна в колосе. И тут уж обязательны цифры. Дожди — это миллиметры осадков. Подкормка — это центнеры селитры или аммиачной воды на гектаре. И все это чуть ли не с восторгом каким-то, с особой душевной приподнятостью, которая отличает рассказы агрономов об окружающем зеленом мире от рассказов иных восторженных любителей природы. Тронин — стратег полеводства. Это, прямо скажу, его заслуга, что в колхозе «Кавказ», и четверть века назад гремевшем своими урожаями, сейчас собирают более сорока центнеров зерна с гектара, то есть больше прежнего вдвое.

— Клейковина — штука тонкая. Сорт может, да порою не хочет, не хочет дурному хозяину задарма прибыль давать. А клейковина — признак силы хлеба. Это, дорогой товарищ, деньги, и деньги большие!

Я уже знал две разительные цифры насчет денег. В 1970 году государство выплатило кубанцам за сильную и ценную пшеницу дополнительно более шестнадцати миллионов рублей. А в 1973 году в ч е т в е р о меньше. Потери ощутимые... В чем же дело? Засуха семьдесят второго, ливни семьдесят третьего в пору созревания... Все эти погодные условия резко снизили процент и клейковины и стекловидности «безостой-1». Но Тронин сказал и другое:

— Небо оставим в покое. А вот что приоткрою: снижение содержания клейковины связано и с уровнем урожая. Содержание клейковины бывает низкое, если низок уровень питания растений. Даже если нарушено соотношение отдельных элементов питания. Ну, и огромное у нас зло — черепашка. Тварь беспощадная...

Вдруг Алексей Петрович остановился, прислушался к звонкой жаворонковой тиши.

— Мечтаю! Мечтаю дожить до времени, когда не центнерами зерна вообще будут измерять урожайность поля, а по содержанию протеина в зерне. Урожай протеина с гектара — ну пять, шесть, а может, и семь центнеров! Изменить масштаб ценности хлебов — это мечта. И сравнивать успехи бригад, колхозов не по валу зерна, допустим, а по процентам клейковины. А? Тридцать процентов есть? Ты хлебороб, мастер, хозяин! Тебе слава. А если хлеб твой слабосильный, зерно мутное и стекловидность ниже восьмидесяти — не кичись. Отдай другому и деньги и награду.

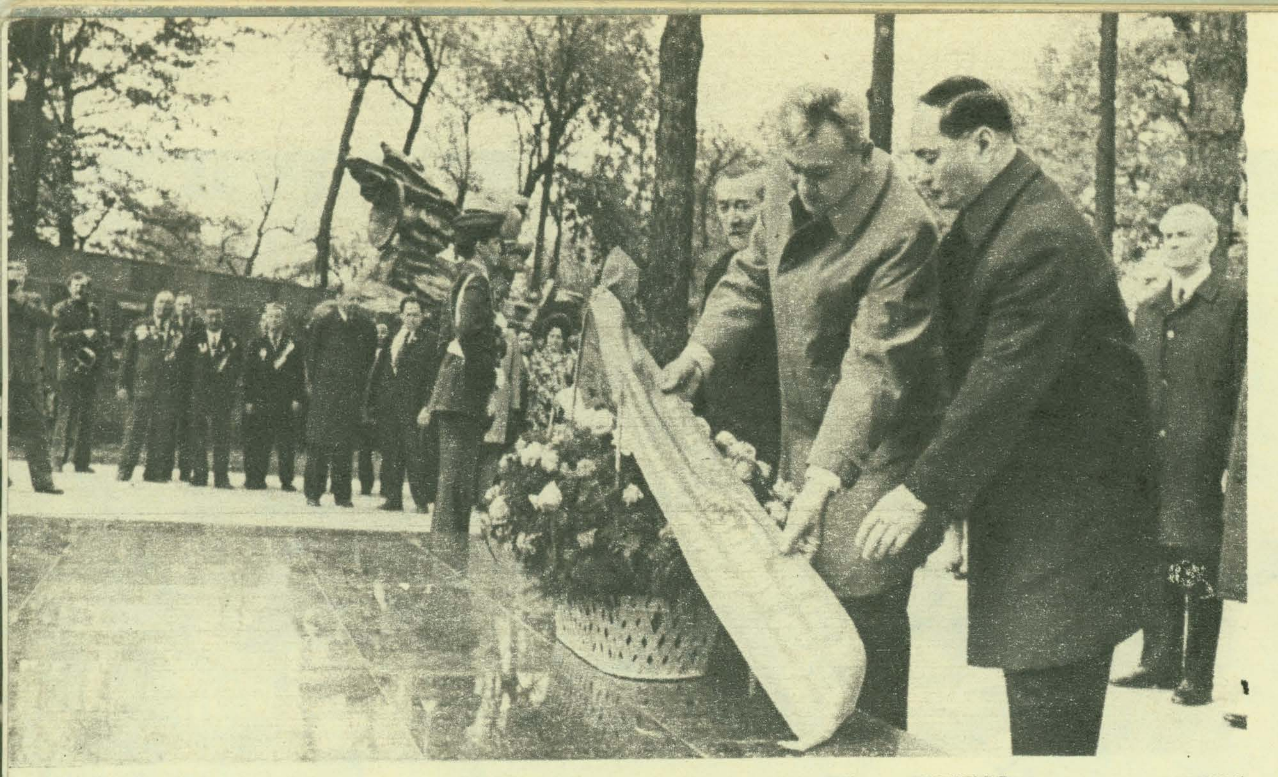
Тронин говорил о силе пшеницы, а я смотрел на его орденские ленты. Думал о близком тридцатилетии Победы, о сильных людях. Алексей Петрович — из сильных. Мальчишкой ушел на фронт, был трижды ранен и снова возвращался на передний край. Форсировал Тису, брал Будапешт, встретился с солдатами передовых частей армии США. Таких, как Тронин, в степных станицах и хуторах много. Мы заезжали в хутор Красное поле — только для того, чтобы познакомиться еще с одним сильным человеком. Звеньевая четвертой бригады Александра Демьяновна Бессарабова — снайпер. Бывший снайпер, кавалер ордена Славы. Десант в Темрюк, десант в Керчь, Перекоп, Чехословакия, могилы подруг и товарищей по 777-му Севастопольскому полку. Потом — на бой с японскими милитаристами. Но вот скоро тридцать лет, как вернулась в родной хутор младший сержант запаса сильный человек Александра Демьяновна. И снайпер и она же — доярка, а теперь звеньевая...

Сильные люди... Рассказывают, что станицу Курганную основали давным-давно молодые казаки, жадные до земли, до жизни славной и многотрудной. А вокруг тогда лежала в излучинах быстрой, мутной Лабы степь, ждала плуга. И высились в той степи, как и сейчас, крутые курганы. Хотели предки свою станицу назвать Стокурганной, да помешал некий дотошный войсковой писаришка. Он ходил, ходил, считал, считал — и, как ни поверни, одного кургана до сотни не хватало. Девяносто девять есть, высятся-возвышаются, а сотого нет как нет. Так и прописал — просто Курганная.

— Теперь бы не дали промашку,— говорит Федор Иванович Тетерников, человек большого такта и обаяния.— Теперь есть у нас сотый курган. Золотой. Хлебный курган — судите сами: намолачиваем по двадцать три тысячи тонн зерна. Пудами считать — почти полтора миллиона! Только чистой прибыли в год имеем более двух миллионов рублей. Ну, с чем сравнить? Скажу так: пятнадцать лет назад столько же составил весь годовой доход, а сейчас — одна лишь прибыль. Учтите, что земли стало меньше.

...Федор Иванович велел разворачиваться.

Снова поля, поля. Я смотрел на них по-новому, смотрел глазами кубанцев, пытаясь уже сегодня, сейчас угадать, какие же из них с и л ь н ы е. С каких полей зерно пойдет в золотой хлебный курган пятилетки... Но об этом скажет только июль. Только он. Только те, самые главные в году восемь — десять дней, которые покажут, кто сильный.

Руководители Казахской ССР во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаевым возлагают цветы у Вечного огня.

ПАМЯТЬ О ГЕРОЯХ ВЕЧНА

В канун праздника Победы в Алма-Ате состоялось торжественное открытие мемориала Славы борцам, павшим за свободу и независимость нашей Родины.

Тысячи жителей столицы Казахской ССР спешили с утра к парку имени 28 героев-панфиловцев, где высится мемориал.

На митинге, посвященном открытию мемориала, присутствовали руководители республики во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаевым.

Авторы комплекса запечатлели в мраморе, бронзе и граните бессмертные подвиги советского народа. Мемориал состоит из трех композиций, объединенных общей идеей — вечна память о героях.

Ветераны...

Фото Г. Попова.

НА РОДИНЕ СОВЕТОВ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото Г. РОЗОВА

70 лет назад, 26 — 28 мая 1905 года, по предложению большевиков в Иваново-Вознесенске было создано «Собрание уполномоченных депутатов» — первый в России общегородской Совет рабочих депутатов. Наши корреспонденты ведут репортаж о ветеране Ивановского Совета и о тех, кого ивановцы выдвинули кандидатами в депутаты Верховного Совета РСФСР и местные Советы.

Ивану Михайловичу Звереву девяносто второй год. У него лицо старого мастерового, мудрые глаза много повидавшего человека и крепкие, мозолистые руки.

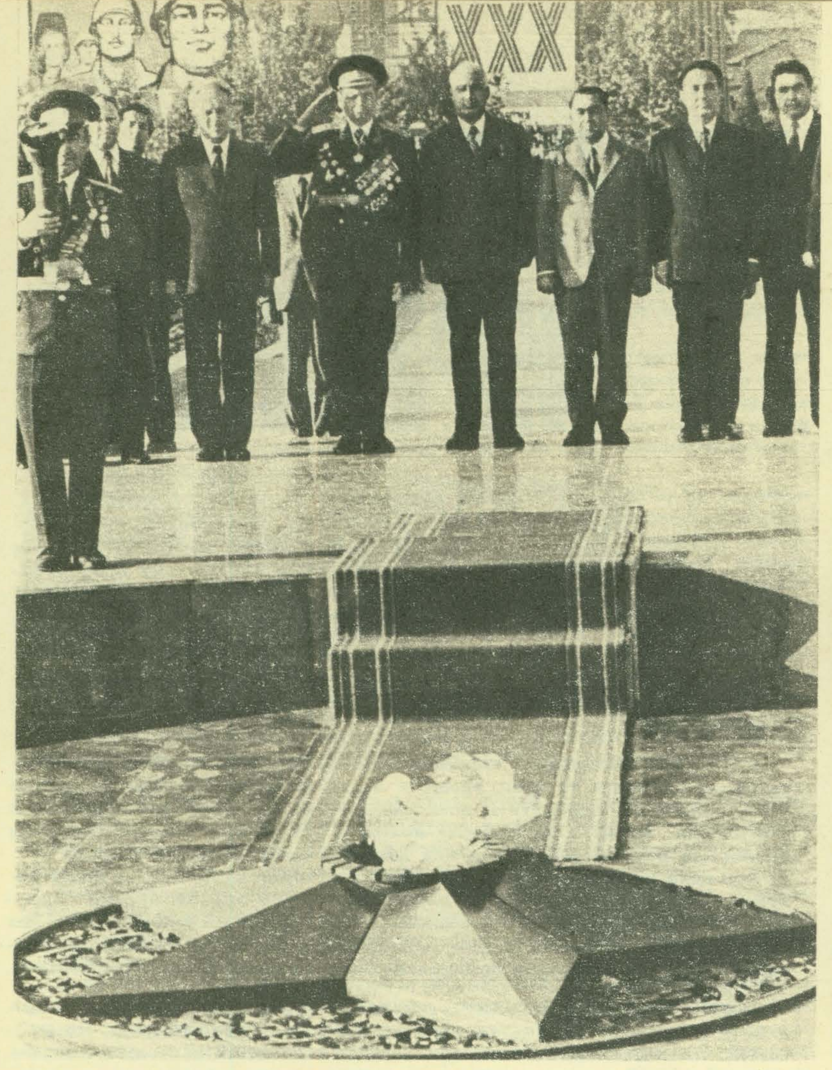
— Каким же им быть, моим рукам? — улыбается Иван Михайлович.— Ведь они семьдесят один год не выпускали молотка, зубила да напильника. Слесарить я начал еще в 1900 году. Парнишка я был крепкий, шустрый, на язык бойкий. Видимо, поэтому на меня обратил внимание большевик Наговицын. Стал он вести со мной разговоры про жизнь нашу нищую, про хозяина да царя-батюшку... Потом давал кое-какие поручения: отнести пакет, подежурить у нужного дома, затеять потасовку, чтобы отвлечь городового. А в 1902 году меня как сознательного рабочего приняли в члены РСДРП.

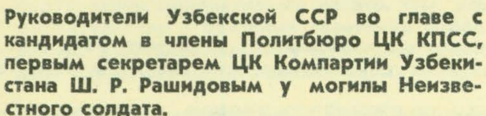
В Иваново-Вознесенске была сильная партийная организация — около четырехсот человек. Имена наших руководителей вошли в историю — это Ф. А. Афанасьев, М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов, Н. И. Подвойский... Когда в девятьсот пятом до нас дошла весть о кровавом воскресенье в Петербурге, мы приняли решение — бастовать! Но, видимо, среди нас был провокатор, потому что наутро многие руководители стачечного комитета были арестованы, а у фабричных ворот появилась полиция. Тогда мы начали готовиться ко всеобщей стачке. Двадцать второго мая на нелегальной партийной конференции было решено через три дня начать стачку.

Двадцать пятого мая остановились все фабрики и заводы «царства ситца и чахотки» — так тогда называли наш город. А на следующий день рабочие двинулись в центр, к зданию управы. Здесь состоялся многотысячный митинг. Тогда же провели выборы в Совет рабочих депутатов.

С первых дней Совет рабочих депутатов действовал не только как стачечный комитет, но и как орган революционной власти: он добился закрытия винных лавок, заставил мелких торговцев отпускать товары в кредит, не позволил фабрикантам выселить рабочих из казарм, добился частичной выплаты денег за время забастовки, создал отряды рабочей милиции. В то же время с разрешения Совета начали работать некоторые типографии — надо было печатать листовки и прокламации. Я тогда был в составе боевой дружины, которой руководил Фрунзе. Мы обеспечивали охрану заседаний Совета, митингов и собраний, проходивших на берегу реки Талки.

Семьдесят два дня продолжалась наша стачка. И все это время ее мозгом и сердцем был Совет рабочих депутатов. Когда же по решению Совета мы приступили к работе, Иваново-Вознесенский комитет РСДРП в своей прокламации писал: «Товарищи, стачка кончилась. Мы опять принимаемся за свой тяжелый труд... Побежденными ли мы возвращаемся на наши фабрики и заводы, могут ли наши враги торжествовать победу? Нет!» В 1917 году Советы возникли снова. Я очень гордился тем, что вместе с восемнадцатью депутатами первого Совета был избран в орган народной власти... Много лет прошло с той поры. Не узнать теперь столицы текстильного края,— сказал в заключение кавалер двух орденов Ленина и ордена Октябрьской Революции И. М. Зверев.— К сожалению, теперь уж не осталось никого из моих свер-

Руководители Узбекской ССР во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым у могилы Неизвестного солдата.

Фото В. Сваричевского.

В скорбном молчании проходят делегации трудящихся Узбекистана мимо мемориала.

ТЫ С НАМИ, НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ!

В центре Ташкента, на Аллее парадов, воздвигнут величественный мемориал Неизвестному солдату. В канун 30-летия великой Победы над фашистской Германией специальный поезд доставил в столицу республики останки воина, погибшего в грозном 1941 году при обороне Москвы под станцией Луговая,— там стояли насмерть гвардейцы частей, сформированных в Узбекистане.

Красным гранитом облицовано место захоронения. И словно в почетном карауле, встали возле него узбекская арча и русская ель.

Весь Ташкент, делегации трудящихся республики и Московской области участвовали в торжественной церемонии захоронения. Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов поднес к чаше в центре бронзовой пятиконечной звезды доставленный из Москвы факел, зажженный у кремлевской стены. Навеки вспыхнуло яркое пламя в Ташкенте, золотом по граниту начертано: «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

стников, но многие из них стоят на площадях, отлитые в бронзе. В Иванове семнадцать улиц и три фабрики носят имена моих товарищей, депутатов первого Совета.

В эти дни в Иванове, как и по всей стране, готовятся к выборам в Советы. Мы встретились с кандидатами в депутаты горсовета. Они рассказывали о сегодняшнем и завтрашнем дне родного города.

...Владимир Николаевич Латышев — ректор Ивановского государственного университета имени Первого Совета. Это самый молодой университет страны, ему всего один год, но традиции здесь давние.

— Дело в том, что наш университет создан на базе педагогического института,— говорит Владимир Николаевич,— а он считался одним из лучших в России. Мы занимаемся пока еще в старом здании, но уже утвержден проект университетского городка, который будет сооружен на берегу реки Харинки. Недавно меня выдвинули кандидатом в депутаты городского Совета. Это очень большая честь!

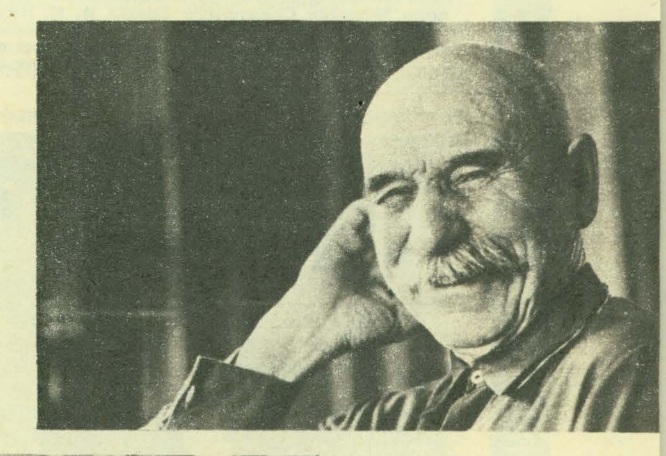
А М. М. Копнин, помощник мастера с фабрики имени С. И. Балашова, сказал:

— Одно то, что я работаю на фабрике, носящей имя депутата Первого Совета, ко многому обязывает. Это понимают и все наши рабочие. Мы успешно справляемся с заданиями пятилетки. Сейчас заняты техническим перевооружением цехов. Я депутат горсовета двух созывов. Работаю в жилищной комиссии. Хлопот, как понимаете, много, но мы стараемся, чтобы наш город стал еще краше, а новоселов было все больше. Вчера я узнал радостную весть: рабочие родной фабрики в третий раз выдвинули меня кандидатом в депутаты Ивановского горсовета.

Председатель исполкома горсовета Л. М. Круглов рассказал нам о перспективах развития города, о новых фабриках и заводах. Иваново теперь не только крупнейший текстильный центр, но и город развитого машиностроения.

— Сейчас у нас горячая пора: в разгаре подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР и в местные Советы. Трудящиеся Иванова единогласно выдвинули кандидатами в депутаты в высший орган власти Российской Федерации сновальщицу прядильно-ткацкой фабрики имени Дзержинского Т. А. Москвину, директора меланжевого комбината В. Ф. Грошева и заместителя председателя Совета Министров РСФСР В. И. Кочемасова.

Есть о чем вспомнить одному из старейших коммунистов города Иванова И. М. Звереву.

Помощника мастера Михаила Копнина в третий раз выдвинули кандидатом в депутаты Ивановского горсовета.

ДРУЖБЕ КРЕПНУТЬ

23 мая исполняется 25 лет Обществу вьетнамо-советской дружбы. Накануне этой даты член Политбюро ЦК Партии трудящихся Вьетнама, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел ДРВ товарищ Нгуен Зуй Чинь, находившийся в СССР на праздновании Дня Победы во главе партийно-правительственной делегации ДРВ, дал интервью «Огоньку».

ВОПРОС. КАКОВО ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОБЕДЫ, ОДЕРЖАННОЙ ВЬЕТНАМСКИМ НАРОДОМ В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ?

ОТВЕТ. В результате мощного наступления и восстания, длившихся немногим более 50 дней, армия и народ Южного Вьетнама заставили США полностью прекратить свое вмешательство. Были ликвидированы сайгонская клика и ее аппарат войны и угнетения, Южный Вьетнам полностью освобожден из-под ига американского неоколониализма.

Это одна из самых блестящих побед в истории страны. Она стала результатом тридцатилетней трудной, героической борьбы против империалистической агрессии, за независимость родины и свободу нации. Эта победа открывает перед нашим народом новый этап построения мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама.

ВОПРОС. КАКОЕ ВЛИЯНИЕ ОКАЗАЛА ПОБЕДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВОЙНЕ ПРОТИВ ФАШИЗМА НА ВЬЕТНАМСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ, НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ?

ОТВЕТ. Вьетнамская революция совершилась в августе 1945 года, вскоре после того, как Советский Союз победоносно завершил войну с фашистской Германией.

В результате победы Советского Союза были созданы благоприятные условия для успеха Августовской революции и создания Демократической Республики Вьетнам — первого государства народной демократии в Юго-Восточной Азии. С тех пор наш народ вел непрерывную борьбу и неизменно добивался успеха. В результате Августовской революции 1945 года было покончено с колониальным и феодальным строем. Победа 1954 года в войне сопротивления против французских колонизаторов положила начало быстрому крушению колониализма, полному освобождению Северного Вьетнама и его переходу к строительству социализма. Наконец, в результате завершения в 1973 году великой войны сопротив-

19 мая исполнилось 85 лет со дня рождения Хо Ши Мина, выдающегося деятеля международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, основателя Партии трудящихся Вьетнама, первого президента Демократической Республики Вьетнам.

Хо Ши Мин завещал вьетнамскому народу довести до конца дело национального освобождения. Сегодня этот завет выполнен. Героическая борьба вьетнамского народа увенчалась победой.

Фото Дм. Бальтерманца.

---

20 лет назад, 14 мая 1955 года, в столице Польской Народной Республики социалистические государства Европы подписали коллективный союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который известен во всем мире как Варшавский Договор.

Знаменательной годовщине было посвящено торжественное собрание представителей трудящихся Москвы и Вооруженных Сил СССР, которое состоялось 14 мая в Колонном зале Дома союзов.

В президиуме находились член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, главнокомандующий Объединенными вооруженными силами государств — участников Варшавского Договора Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, заместитель Председателя Совета Министров СССР М. А. Лесечко, министры СССР, видные военачальники, представители общественных организаций, ветераны войны и труда, главы дипломатических представительств социалистических стран.

С докладом выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Фото В. Егорова и А. Стужина (ТАСС)

ВО ИМЯ

Обращение Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза к народам, парламентам и правительствам находится в центре внимания всего человечества. Программа действий, развернутая в обращении, отвечает интересам всех народов мира. «Опыт военных лет показал,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на торжественном собрании, посвященном 30-летию Победы,— что различие общественных систем не является препятствием для объединения усилий в борьбе против агрессии, за мир и международную безопасность. В годы войны мы сотрудничали, и сотрудничали неплохо, чтобы быстрее кончить войну. Теперь мы решаем другую, не менее важную и, пожалуй, более сложную задачу — наладить сотрудничество для того, чтобы не допустить новой всемирной катастрофы».

* * *

ВАРШАВА. «Мы полностью согласны с содержанием этого обращения, с задачами и целями, на которые оно указывает. В тесном взаимодействии и сотрудничестве с КПСС, с другими братскими партиями мы будем настойчиво стремиться к превращению разрядки

ления против агрессии США, за спасение родины было подписано Парижское соглашение по Вьетнаму, что явилось огромнейшей победой в борьбе против колониализма, за полное и окончательное освобождение нашей родины.

Это стало возможным благодаря тесному взаимодействию двух революционных потоков — социалистической революции и национально-освободительного движения. Ведя успешную борьбу в своей стране против неоколониализма, вьетнамский народ внес тем самым достойный вклад в революционное дело народов, выступающих за мир, независимость, демократию и социализм.

Эта победа — результат правильного руководства Партии трудящихся Вьетнама, вооруженной всепобеждающим учением марксизма-ленинизма. Это результат непреклонной решимости вьетнамского народа, боевой солидарности народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и огромной ценной поддержки и помощи со стороны Советского Союза, других братских социалистических стран, всего прогрессивного человечества, в том числе и прогрессивных сил Америки. Поэтому мы считаем нашу победу общей победой всех сил социализма, национальной независимости, демократии и мира.

ВОПРОС. ЧТО БЫ ВЫ ХОТЕЛИ СКАЗАТЬ О ЗНАЧЕНИИ СОЗИДАТЕЛЬНОГО ОПЫТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА ВО ВЬЕТНАМЕ, ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ НАШИМИ СТРАНАМИ?

ОТВЕТ. Великие победы советских людей, совершивших Октябрьскую революцию и проложивших путь к социализму и коммунизму, вдохновляют наш народ, который сейчас залечивает раны войны, восстанавливает и развивает экономику и культуру.

Мы с огромным удовлетворением отмечаем, что отношения дружбы и братской солидарности между нашими странами неизменно укрепляются и развиваются на основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

В войне сопротивления против агрессии США, за спасение родины, в построении социализма на Севере мы постоянно получали горячую поддержку, большую эффективную помощь со стороны КПСС, правительства, всех граждан Советского Союза. Наш народ, партия и правительство будут вечно признательны за это. Мы уверены, что КПСС, Советское правительство и братский советский народ помогут нам залечить раны войны, восстанавливать и развивать экономику, строить мирный, единый, независимый, демократический и процветающий Вьетнам.

ВОПРОС. ВСКОРЕ СОБЕРЕТСЯ XXV СЪЕЗД КПСС. ВАШИ ПОЖЕЛАНИЯ В СВЯЗИ С ЭТИМ СОВЕТСКОМУ НАРОДУ.

ОТВЕТ. XXV съезд КПСС явится большим событием в жизни советских коммунистов и всего братского советского народа. Он ознаменует новый этап на пути построения Советским Союзом коммунизма в своей стране.

Вьетнамский народ искренне желает советским людям новых, еще больших побед, успешного завершения девятого пятилетнего плана с тем, чтобы достойно встретить предстоящий съезд партии.

МИРА НА ЗЕМЛЕ

напряженности в прочный и необратимый процесс».

Первый секретарь ЦК ПОРП
Э. ГЕРЕК

СОФИЯ. «Актуальность и сила обращения состоят в глубоко аргументированном анализе послевоенного развития человечества, в указаниях на конкретные направления борьбы за прочный мир, за свободу народов».

Газета «Народна младеж».

ВАШИНГТОН. «Мы приветствуем усилия Советского Союза, направленные на продолжение и развитие разрядки международной напряженности и на достижение дальнейшего прогресса в критически важной области ограничения стратегических ядерных вооружений».

Ч. ПЕРСИ,
сенатор

КОЛОМБО. «Мы стремимся к мирному созидательному труду и поэтому горячо поддерживаем советский призыв к народам всех стран объединиться на борьбу за мир и безопасность во всем мире».

Исполняющий обязанности
премьер-министра
Республики Шри Ланка,
министр М. СЕНАНАЯКЕ

ПАРИЖ. «Этот важный документ принят в период, когда в международной обстановке происходят благоприятные изменения, идеи мирного сосуществования и сотрудничества между народами получают все большее распространение. Советское обращение встречено с одобрением и пониманием широкой французской общественностью».

Ги ДЕССОН,
видный общественный деятель,
президент-исполнитель
общества «Франция — СССР»

КАНБЕРРА. «Мы с глубоким пониманием относимся к вопросам, затронутым в обращении Советского Союза. Уверенная оптимистическая позиция СССР — важный фактор и залог обеспечения мира».

Д О'БЕРН,
председатель
австралийского сената

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Томас КОЛЕСНИЧЕНКО

Этот отнюдь не риторический вопрос задают сегодня себе миллионы людей в Соединенных Штатах Америки. Окончательный крах американской авантюры во Вьетнаме, полное поражение «союзнических» марионеточных режимов Вашингтона в Камбодже и Южном Вьетнаме вызывают в Америке, по словам печати, «мучительную переоценку» всей внешней политики. На страницах американских газет, по радио и телевидению развернулась в связи с этим оживленная дискуссия. В этом довольно разношерстном «хоре» четко улавливаются две противоположные тенденции, которые, на мой взгляд, отражают противоречивый подход к этим наболевшим проблемам различных слоев американского общества.

Один из них, я бы сказал, реалистический, основан на глубоком анализе событий, предполагающем, что конец «вьетнамской эры» в американской политике лишь оздоровляет международную обстановку, уничтожает опасный очаг войны и открывает благоприятные перспективы для разрядки международной напряженности и сотрудничества. Так, например, известный американский обозреватель Дж. Рестон утверждает, что будущее Соединенных Штатов и Советского Союза «не пострадает из-за Сайгона, а возможно, даже станет лучше».

Но, к сожалению, не менее громко в вышеупомянутом «хоре» американской прессы звучат голоса тех, кто раздувает истерическую кампанию, призывая официальный Вашингтон ответить «ударом» на «вызов», брошенный ему во Вьетнаме и Камбодже. Справляя шумную панихиду по режимам Лон Нола и Тхиеу, эти люди готовы, как это было когда-то в древности, бросить в поминальный костер вместе с ними и многое другое. Но если в древности шла речь о родственниках скончавшихся, то некоторые горячие головы в Вашингтоне готовы похоронить разрядку международной напряженности.

На вашингтонской сцене происходит весьма характерное размежевание. Появились деятели вроде сенатора Хелмса, который все последние неудачи политики США пытается свалить на разрядку. С явно провокационными заявлениями выступил губернатор Алабамы Уоллес. «По-моему,— сказал он,— во вторую мировую войну мы воевали не с теми, с кем надо». «Будь я президентом,— добавил махровый реакционер,— моя внешняя политика базировалась бы на том факте, что ни одному коммунисту нельзя доверять». Им вторит та часть американской прессы, которая сегодня пытается запугать американского обывателя тем, что разрядка — это «миф», а сами США теряют престиж и «скатываются в трясину военной уязвимости и политической робости». Они пугают обывателя «страшными» последствиями такого курса. Они спешно вырабатывают новые «стратегические направления» для внешней политики США в Азии. Особое внимание при этом уделяется Дальнему Востоку. Уже написаны десятки страниц о «жизненно важной роли» для Вашингтона Японии, где предлагается увеличить количество американских баз, Южной Кореи, Филиппин и Индонезии, которые, дескать, должны заменить собой Камбоджу и Вьетнам. Пишут и о возможности «китайско-американского союза» в Юго-Восточной Азии (кстати сказать, к этому весьма благоприятно относятся в Пекине), направленного против Советского Союза и Вьетнама.

Какую же реакцию вызывают подобные планы в широких кругах американской общественности? К чести американцев, в своем большинстве они понимают, что речь идет не о «крахе престижа» Америки, а о крахе милитаристского курса, политики «мирового жандарма», опиравшейся на отжившие догмы «глобальной ответственности» и «отпора коммунизму в мировом масштабе».

Наиболее трезвомыслящие американские политические деятели и органы печати стараются обратить внимание на те компоненты внешней политики США, которые соответствуют сегодняшнему международному климату. «Хотя внешняя политика не развивается прямолинейно,— замечает Ч. Робертс в газете «Вашингтон пост»,— в общем появилось стремление вернуться к более здравой позиции». Отмечая «новые черты» американской политики, в частности развитие советско-американских отношений, Робертс утверждает: «Они по-прежнему сохраняются и, по-видимому, прочно!»

Соединенные Штаты ничего не выиграют, если Вашингтон, не поняв уроков Вьетнама, лишь постарается перебазировать свою военную машину из одного района мира в другой. Сама жизнь требует укрепления и роста реалистических тенденций во внешней политике США, отказа от курса военных авантюр. Есть лишь один магистральный путь развития международной жизни — путь сохранения мира и превращения международной разрядки в необратимый процесс.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ШОЛОХОВУ — 70 ЛЕТ

ХУДОЖНИК, ОБ

Юрий БОНДАРЕВ

Это имя уже как бы отделилось от одного человека и теперь принадлежит советскому искусству и одновременно всей мировой культуре XX века.

Таков удел великих художников: теряя индивидуальную «семейную» окраску, имена их приобретают глобальный символ, и этот символ, минуя таможни, переступает государственные и языковые границы, уходя в неограниченность времени.

Почему же так значимо и так весомо звучит для нас имя Шолохова? Он открыл новую форму? Неуловимые токи подсознания? Изобрел невиданную доселе систему словесного изображения?

Подчас, касаясь золотых страниц тех или иных больших писателей, мы невольно стараемся усиленным и вместе с тем примитивным анализом отыскать во что бы то ни стало его точку переворота в эстетике, его, конечно же, новаторское открытие в стиле, сюжете и композиции, забывая о том, что все поражающие новшества, чересчур сознательно привнесенные в плоть творчества, почти всегда недолговечны. Великое и прекрасное никогда искусственно не усложнено загромождениями, хирургическими вмешательствами и насилиями над естеством. Навязанные самому себе рационалистические новаторства выглядят по меньшей мере сомнительным неистовством, вызывающим у нас несколько удивленное пожимание плечами.

Истинная красота — в открытости простоты, как бы ни был сложен мир изображаемого, и по строгим законам ее рождены нетлеющие шедевры, начиная от «Одиссеи», «Дон Кихота» и кончая «Госпожой Бовари», «Братьями Карамазовыми», «Войной и миром» и «Тихим Доном».

Ведь многоемкая простота возникает только от полного слияния с судьбами своего народа и неиссякаемым великолепием его языка, что постоянно является верным соавтором большого таланта, лишенного суеты моды, утекающей в никуда.

Однако Шолохов оригинален в самом существенном: он никогда не идет ровным коридором, устланным ковриком удобной истины, пахнущей заплесневелым уютом, наоборот, он идет к всепоглощающей человека вере через борьбу и страдания, к истине непричесанной, лохматой, омытой в кровавой купели, отлично зная, что, когда множеством людей познается правда, нет абсолютного вселенского согласия. Выдающийся психолог, он исследует человека не теоретически направленным разумом, не как раз и навсегда данное и неизменяющееся в подлунном бытии, он измеряет реальную жизнь и людскую особь в ней земными переменчивыми чувствами, и поэтому нет преграды между его героями и читателем, постепенно познающим себя в других. От чувства к разуму, а не это ли воздействует на нас с неотразимой силой? Не в этом ли колдовство подлинного искусства?

Как огромному мастеру, Шолохову свойственна магия перевоплощения — он с одинаковой пронзительностью раскрывает перед нами душевные заслонки и полуграмотного казака, и любящей женщины, и старика, и ребенка, и это качество, видимо, объясняется особым умением растворять мир в слове, ибо оно, слово, сконцентрированное средство выражения,— проводник к тайникам чувств человеческих, и нет иного инструмента для исследования психологических глубин.

Четырнадцатилетняя работа над «Тихим Доном» и текстовые редакции романа показывают нам это священное отношение писателя к слову, и несведущему человеку едва ли возможно представить титанический труд его, достойный самого благодарного признания в области творений духа.

«Тихий Дон» стоит в ряду всемирной классики, в ряду не тускнеющих от времени вещей и никогда не потеряет своей художественной ценности не только потому, что естественная, как жизнь, конструкция романа, вобравшая в себя целую эпоху, отрицает мастерство симметрических декораций, натужного правдоподобия, а потому что от страниц его исходит дыхание человечности, сама правда, вина перед чужой болью, без чего нет и быть не может истинного таланта современности.

Невозможно с чем-либо сравнить мучительную неудовлетворенность писателя, его самоказнящую погоню за совершенством, его геракловское терпение в минуты, дни, месяцы и годы, когда через мельчайшее сито просеваются глаголы и эпитеты для выбора и отбора золотых песчинок, из которых затем многострадально выливается гармоническое тело романа, потрясающее вас изящной гибкостью, стройностью и пластичностью линий. Человеческая красота, к сожалению, непостоянна: молодость проходит в соответствии с биологическими законами, сходит на щеках румянец, теряют живой блеск глаза, кожа утрачивает белизну и эластичность. Но красота в искусстве — категория вечная, и длительность срока этого эстетического феномена обусловливается лишь той затратой энергии, которую вкладывает в каторжный труд беспощадно требовательный художник.

Почти все знаменитые литературные герои были и остались в нашей памяти молодыми людьми: Ромео и Джульетта, Жюльен Сорель, большинство персонажей Бальзака, Тургенева, Толстого, Достоевского. Нет ли здесь некоего символического знака, если бы я добавил к ним многих основных действующих лиц советской литературы, и в первую очередь главных героев Шолохова? И тут стоит подумать о том, что молодости особенно свойственно обостренное до предела отношение к окружающей действительности — поиски истины и нравственное самоутверждение. Более того, этот период отвергает мягкие оттенки и лакированные поверхности, он угловат, резок, нередко алогичен в крутых подъемах и спадах.

Если молодые люди Бальзака всеми дозволенными и недозволенными, с точки зрения принятой морали, средствами судорожно искали удобное место под солнцем, а молодые герои Толстого, познавая смысл жизни, приходили к идее евангелического опрощения и самоусовершенствования, если герои Достоевского в раскаянии обращались к богу в себе и вне себя, то персонажи Шолохова были волей новой эпохи проведены через непримиримую классовую борьбу, поставленные на раскаленную грань: быть или не быть!

Не хочу показаться чересчур категоричным в формулировках, но, на мой взгляд, литература — это бессмертная молодость обнаженных чувств и вместе с тем диалог с молодостью, лучшей и решительной порой человеческих исканий, потерь, неудовлетворенности и приобретений, то есть порой поступков, совсем уж подчас неблагоразумных, коль скоро мы посмотрим на них глазами спокойной, уравновешенной зрелости.

Как все большие писатели, Шолохов создал свой мир: он открыл в объективной реальности собственных героев, коллизии, конфликты, жизненные явления, пропустив их через себя, окрасив индивидуальным отношением. То есть соединение исторической истины с писательской индивидуальностью проявляет поразительные краски самой жизни, что присуще лишь таланту в высшей степени художественному. И в силу этого время от времени испытываешь желание вновь и вновь окунуться в созданный Шолоховым мир — почувствовать тепло донского солнца, сухой жар июльской степи, холодок утренней матовой росы со следами босых ног на мокрой траве, вдохнуть дымок костра под темным курганом, запахи вечерних улочек хутора или тонкий и сладкий запах того ландыша, который по холодку ранней весны нашла Аксинья (прекраснейший женский образ во всей мировой литературе), увидеть тихие и розовые от зари казацкие куреня, услышать шум летнего дождя по взлохмаченному Дону, по стогу сена, по намокшим плетням, услышать знакомые голоса Пантелея Прокофьевича и Ильиничны, увидеть и молодого и как бы уже полностью прожившего жизнь Григория, рожденного временем и воображением писателя и ставшего уже настолько реальным, что трудно говорить о нем, как о литературном персонаже.

Да, роман «Тихий Дон» — книга великая, одна из поднебесных вершин литературы; знаменательно и то, что во всемирном искусстве нет ничего похожего хотя бы отдаленно: произведение это единственное в своем роде. Составная часть неповторимой оригинальности лежит в манере письма Шолохова, в удивительной соразмерности описательности и изобразительности, короче говоря, жизнь предстает в естественном течении, но при этом в жгуче разящей заостренности, свойственной страстным художникам. Пожалуй, не найдешь в «Тихом Доне» ни одной страницы, которую можно было бы прочитать без интереса, как связку, как искусственный мостик. Каждая глава наполнена настроением, движением, мыслью, язык гибок, свеж, пахуч, и излучающие энергию слова не становятся решеткой между читателем и смыслом — во фразе тайна глубокой простоты, покоряющей эмоциональной упругостью.

Не много сцен можно назвать в мировой литературе, написанных с такой убедительной силой, как три шолоховские сцены из «Тихого Дона» — смерть Натальи, смерть Аксиньи и возвращение Григория в родной хутор. Последняя великолепная в своей полноте мысли и чувств фраза романа — это как бы завершение великой человеческой симфонии: в ней конец и начало жизни, утрата и надежда, скорбь и горькая тихая радость, в ней ощущение после длительной болезни, вызывающее ужас восторга и потрясения правдой.

ОГАЩАЮЩИЙ МИР

Михаил Шолохов населил землю своими героями, и земля от этого стала богаче и прекраснее.

Вы можете прожить с человеком в одном доме всю жизнь, будете знать о нем все, что, казалось бы, возможно узнать: его походку, цвет глаз, его привычки или манеру одеваться, его слабости и достоинства, но вы не узнаете то, что может рассказать о нем художник, обладающий чувством ясновидения плоти. Порой вы увидите на улице, в трамвае человека, очень похожего на вашего соседа, вы несколько изумлены: «Да, похож, как похож»,— но все же не испытываете того странного, волнующего озарения, какое бывает при встрече с совсем иным знакомым, с которым связаны родственно и кровно. Вы видите на улице женщину, заметную той особой, до радостной неожиданности знакомой походкой, знакомой фигурой, тем же взглядом, что были живой сущностью Анны Карениной, и в то же мгновение чувствуете, что знаете об этом человеке все, что он вам бесконечно дорог, что это как бы вторая действительность, прожитая вами.

Однажды в маршевой роте мне пришлось встретиться с лейтенантом, чрезвычайно похожим на Григория Мелехова. Лейтенант этот был смугл, горбонос, высок, с «мелеховским взглядом»; он сутулился, как Григорий, говорил с хрипотцой, и я хорошо помню то давнее ощущение узнавания. Я, разумеется, отлично понимал, что передо мной не Григорий, но мне страстно хотелось, чтобы лейтенант этот был Григорием, чтобы за его спиной было все, что стало и моим прошлым: и Аксинья, и Наталья с детьми, и хутор Татарский, и Дон со свинцовой стремниной, и сухой, душный запах развороченной копны, и кипящее, с опалиной небо над куренями, и метания Григория в поисках правды, и его приход в родной хутор, и прозрачно-зеленая вода у крутояра, куда он бросил ненужную винтовку и патроны.

Лейтенант этот знал, что похож на Григория, и, зная это сходство — видимо, не один я говорил ему об этом,— внешне подражал Григорию. Лейтенант был молод, родом из Сибири, за его спиной была иная биография, ничем не напоминавшая жизнь Григория, и, выяснив это, я испытал тогда странное чувство разочарования.

Прикоснувшись к настоящему искусству, мы всегда надеемся на встречу с героями, одушевленными этим искусством. Если мы не встречаем любимых героев в жизни, мы встречаемся с ними в своем сознании ежедневно.

До тайных глубин проницательный талант Шолохова поистине жизнетворен. Со страниц его книг шагнули в мир герои, после рождения которых человечество увеличилось в ярких его представителях: Григорий Мелехов и Аксинья, Пантелей Прокофьевич и Ильинична, Бунчук и Подтелков, Наталья и Дарья, Давыдов и Лушка, дед Щукарь и Нагульнов, Лопахин и Андрей Соколов.

Но Шолохов создал не только людей, близких нам, не только свой воздух пейзажа, в его книгах разлито опаляющее ощущение смертельной схватки — столкновения страстей, разных эпох, любви и ненависти... Его страницы словно бы пропитаны сыростью наполненных водой окопов, очернены разрывами шрапнели над конной лавой, огненно пронизаны вибрирующим чугунным гулом двух войн, овлажнены кровью. Он создал то окружение для своих героев, ту трагическую атмосферу недавней действительности, которая называется самой жизнью, страданием, борьбой во имя человеческого на земле. Еще одна особенность Шолохова в том, что его книги прочно врезаются в память, они не забываются, в какой бы обстановке вы ни находились, о чем бы вы ни думали, как бы тяжело или легко ни было.

Помню, как в дни Сталинградской операции мы шли по освобожденному Калачу — подталкивали плечами орудия, увязавшие в оттепельном снегу, шагали в мокрых, раскисших валенках по бурой жиже. Мы наступали. Я знал, что эти места близки Шолохову. Я смотрел на отсыревшие стены домов, на черные голые сады, в которых еще таяли дымы немецких разрывов, смотрел на белеющий берег Дона — сжималось сердце. Я шел по земле, на которой будто родился и вырос. Эти места были мне хорошо знакомы по книгам Шолохова. Шагавший рядом со мной командир орудия, сержант, бывший зоотехник, человек уже пожилой, немногословный, обросший грязной щетиной, сумрачно глядя на Дон, неожиданно спросил меня, знаю ли я, где сейчас писатель Шолохов. Я ответил, что, вероятно, на фронте.

— Крепко писал,— сказал он медленно.— Говорят, сидит с удочкой, глядит на поплавок и не видит, что клюет, вдруг вскочит и... домой. Слово записать... Каждое слово обдумывал...

Долгое время я верил этому рассказу. Только потом мне стало ясно, что секрет широчайшего успеха шолоховских творений не в одном блестящем мастерстве и в колоссальной работе над стилем, но в первую очередь в его нерасторжимой связи с землей и народом, в серьезнейшем понимании этим художником души человека.

Некоторое время назад часть наших литераторов вела неустанные атаки на несуществующие высоты, ратуя за самое последнее оружие — так называемый современный стиль. Утверждали, что изобразить человека в наш напряженный век атомной энергии, кибернетики и космоса можно, прибегая к телеграфной скупости или косноязычной исповеди. Незадачливые сверхсовременные герои тускло улыбались и щеголяли сборным арго — признак, мол, экстрасовременного языка и в литературе. Забывали об одном — нет никакого современного языка в литературе, если это не язык литературы, а торопливая, раздерганная магнитофонная запись случайно услышанного разговора, выдаваемого за авторскую речь.

Язык Толстого и Шолохова в высшей степени современен, ибо подчинен не моде, не колориту ради колорита, а самой мысли, значимость которой отвергает легковесные слова.

Может быть, поэтому редко кто из писателей имеет столько учеников среди молодых литераторов, сколько этот непревзойденный мастер. Я знаю многих писателей, которые, поставив последнюю точку на рукописи своего романа, мысленно переносятся в станицу Вешенскую, к Шолохову; что сказал бы он, прочтя роман, как оценил бы он?

Подлинному художнику невозможно подражать, невозможно его копировать. Этого нельзя сделать, как живописец не в силах передать на полотне жаркое, раскаленное июльское солнце, точно такое же, какое мы видим над головой. На полотне оно будет всегда другим. У большого художника учатся, от его книг получают духовную, эмоциональную зарядку, физически освежающий подъем сил, что в искусстве называют вдохновением.

Герои Шолохова населили мир, они отделились уже от писателя, ушли в самостоятельную жизнь, подобно тому, как взрослые дети уходят за пределы родительского дома. Герои Шолохова живут среди нас, они принадлежат великому делу нашего народа, нашей партии, миллионам зарубежных читателей, которые стараются понять характер советского человека, его подвижническую борьбу за построение коммунистического общества на земле.

Неоценимое своеобразие Шолохова и в том, что именно в нашем советском искусстве есть Шолохов, его индивидуальность, и это уже высочайший рубеж литературы, который пока еще никто не переступил.

ВСЕНАРОДНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Московский журналист Виталий ЗАСЕЕВ работает над книгой «Облик высоты», посвященной М. А. Шолохову. Предлагаем несколько интервью, полученных автором специально для этой книги.

Константин ФЕДИН,
писатель,
Герой Социалистического Труда.

Михаил Шолохов — писатель большой судьбы. Его имя обходит землю и повторяется ею. Он принадлежит своему времени и сохранится им нетленно.

Николай СЕМЕНОВ,
академик,
лауреат Нобелевской премии,
Герой Социалистического Труда.

Шолохов, как я думаю, является одним из крупнейших писателей современности.

Начав впервые читать «Тихий Дон», я сразу же увлекся книгой. После перечитывал еще раза три. Она и сегодня стоит в моей библиотеке на самом видном месте.

Чем привлек меня этот роман?

Прежде всего тем, что никто до автора «Тихого Дона» не сумел так правдиво и высокохудожественно рассказать о возникновении и логическом завершении гражданской войны и крахе контрреволюции. Недаром этот роман получил сразу же такое широчайшее распространение у нас и во всем мире.

Люблю я и «Поднятую целину», где с поразительной глубиной проанализировано зарождение и утверждение колхозного строя. По-настоящему талантлив и жизненно правдив его рассказ-повесть «Судьба человека».

Еще во время войны в Ленинграде читал я в «Правде» замечательные отрывки из романа «Они сражались за Родину». Я хорошо помню, что в это же время не только у нас, но и за границей раздавались голоса о том, что если кому-то из художников и по плечу развернуть панораму второй мировой войны, то только Михаилу Шолохову.

Ромеш ЧАНДРА,
генеральный секретарь
Всемирного Совета Мира,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами».

Я не литературный критик, но признаюсь, что в роман Михаила Шолохова «Тихий Дон» вчитывался с особым вниманием. Это было сразу после второй мировой войны, тогда в колониальную Индию начали «просачиваться» книги прогрессивных писателей, изданные на английском языке. Их привозили из Европы те, кто хотел открыть порабощенной Индии глаза на мир.

В числе первых книг, попавших в мои руки, был «Тихий Дон». Он значился в списках запрещенной литературы. Людей, читавших Шолохова, подвергали преследованиям, сурово наказывали. Но нет такой силы, которая бы помешала людям рано или поздно узнать правду.

По ночам, с великой предосторожностью читая роман, я старался найти ответ на волновавший меня вопрос: откуда у русского народа взялось столько сил и мужества, стойкости и терпения, которые помогли ему одолеть гитлеровские полчища, поработившие всю Европу? И роман дал мне ясный и точный ответ. Победой русского народа двигала не только великая вера в правоту своего дела, но и великая ненависть к поработителям всех мастей и рангов!

Позже я познакомился и с другими произведениями писателя: его ранними рассказами, романом «Поднятая целина». А в год появления на свет «Судьбы человека» прочитал и это глубоко волнующее произведение о русском народе, ибо в образе Андрея Соколова увидел весь русский народ — бесстрашный, справедливый, доброжелательный.

Таким образом, книги Шолохова помогли мне понять мировоззрение целого народа, живущего в первом на земле социалистическом государстве. Помогли узнать, что больше всего на свете этот народ ненавидит войну.

В канун юбилея Михаила Шолохова я с уверенностью могу сказать: его книги вдохновили на борьбу за мир и равноправие, счастье и прогресс многих людей разных рас и вероисповеданий, живущих в Азии и Латинской Америке, Африке и Австралии, Европе и цитадели капиталистического мира — США.

Шолоховские книги, как и произведения классиков марксизма-ленинизма, помогли индийскому народу увереннее бороться за свою независимость и смело, целеустремленно отстаивать ее сегодня.

Хритиния БОКОВА,
бригадир совхоза
«Кружилинский»,
Вешенского района,
Ростовской области,
Герой Социалистического
Труда.

Я родилась на том же хуторе Кружилином, где и Михаил Александрович Шолохов. «Тихий Дон» начала читать в шестом классе. Не все было понятно, но вот людей, которые сошли со страниц, узнала. Были они до кровиночки похожи на местных хуторян наших.

Много позже, став взрослым человеком, я поняла, откуда так хорошо рассмотрел наших казаков да и всю донскую сторону нашу Михаил Александрович. Ведь прожил он с нами бок о бок всю свою жизнь.

Нечасто мне нынче доводится брать в руки книгу. Работа бригадира на свиноферме отнимает много времени и сил. Но я люблю свою работу. Потому что в каждом дне ощущаю и вижу добрые перемены, которые делают нашу жизнь краше и счастливей. А когда все же выдается у меня свободная минута, охотно перечитываю любимые главы «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Ведь читаю про то, что было вокруг, и лучше других могу сравнить с тем, что стало.

Исса ПЛИЕВ,
генерал армии,
дважды Герой
Советского Союза.

Как военный человек, прошедший не одну войну, с полной ответственностью заявляю: книги Михаила Шолохова помогали нам, солдатам, усваивать великую науку ненависти к врагу нашего социалистического Отечества. Они учили каждого из нас и сегодня продолжают учить еще крепче любить свою Родину, защищать ее миролюбивые интересы, не жалея сил и жизни.

70-летие — это и много и мало. Но когда человек остается в строю, значит, он по-прежнему молод душой. Значит, возраст тут ни при чем.

Михаил Александрович Шолохов всегда рядом. Он в строю сражающихся солдат. И это делает его молодым.

Чингиз АЙТМАТОВ,
писатель, лауреат
Ленинской премии.

Когда мы говорим «эпоха Пушкина», то к этому не надо добавлять ничего другого. В нем, в Пушкине, вся тогдашняя Россия.

Я уверен, наше время будет называться эпохой Шолохова. Его художественный талант объемлет революцию и ее последующие дни, как дуб, глубоко проросший корнями в глубь земную.

Альфредо ВАРЕЛА,
аргентинский писатель,
лауреат международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами».

70-летие великого Шолохова — это не только событие для него самого и его близких друзей. Это не только событие для русской литературы и советского народа. Это знаменательная дата для всей мировой культуры, для всего прогрессивного человечества.

Автор «Тихого Дона», «Поднятой целины» и других замечательных произведений оказал глубокое влияние на литературы и писателей многих народов. У Шолохова учатся писатели Аргентины и Бразилии, Мексики и Чили.

Великий гуманист нашего времени, первый латиноамериканский поэт XX века Пабло Неруда не раз говорил мне: «Русская литература велика не только Пушкиным и Львом Толстым, Гоголем и Достоевским. Она имеет великих продолжателей в лице Горького и Шолохова...» И это так, ибо в Горьком и Шолохове мир обрел верных борцов за свободу.

Взволнованно приветствую я в день юбилея выдающегося русского писателя и художника Михаила Шолохова, чье плечо постоянно чувствую в многомиллионной шеренге борцов за мир.

Арам ХАЧАТУРЯН,
композитор,
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии,
Герой Социалистического
Труда.

Шолоховский «Тихий Дон»— это пир человеческих страстей и переживаний, праздник тончайших оттенков настроения в природе. Это величественная симфония, рожденная в борьбе за нового человека, написанная рукой влюбленного в мир писателя.

Иван ПАПАНИН,
доктор географических наук,
контр-адмирал, дважды Герой
Советского Союза.

В 1940 году мне довелось выполнять правительственное поручение по спасению ледокольного парохода «Георгий Седов», который в течение 27 месяцев дрейфовал в Северном Ледовитом океане. Заглянув в судовую библиотеку, я обнаружил несколько разрозненных журналов «Октябрь» с первой публикацией «Тихого Дона». Все они были зачитаны, что называется, до дыр. Потом полярники рассказывали мне, что Шолохов помогал им переносить все тяготы ледового плена.

Лично мне Михаил Александрович Шолохов близок и дорог не только как великий писатель, автор бессмертных книг о юности социалистического нашего государства. Я глубоко уважаю М. Шолохова — неутомимого, принципиального общественного деятеля, народного депутата, которому небезразлична и судьба человека и судьба природы.

Со школьной скамьи помню слова Некрасова, обращенные к современнику: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Михаил Александрович Шолохов стал не только выдающимся писателем, но и великим гражданином Отечества нашего. За это ему всенародная любовь и признательность.

Арк. АЙРУМЯН

«...ЗА ШОЛОХОВА СТОЯЛ ГОРОЙ»

В 1925 году издательство «Новая Москва» начало подготовку к печати первого сборника рассказов Михаила Шолохова. Издательство обратилось к А. С. Серафимовичу с просьбой прочитать рукопись и высказать свое мнение. Тогда-то и произошло знакомство молодого писателя с Дона со старым донским писателем, автором классического «Железного потока» Александром Серафимовичем Серафимовичем.

Много лет спустя М. А. Шолохов писал:

«Никогда не забуду 1925 год, когда Серафимович, ознакомившись с первым сборником моих рассказов, не только написал к нему теплое предисловие, но и захотел повидаться со мною. Наша первая встреча состоялась в Первом доме Советов. Серафимович заверил меня, что я должен продолжать писать, учиться. Советовал работать серьезно над каждой вещью, не торопиться.

Этот наказ я старался всегда выполнять».

В начале 1926 года первый шолоховский сборник «Донские рассказы» вышел в свет. Книжку, содержавшую восемь теперь хорошо всем известных рассказов, открывало короткое и в то же время весьма емкое предисловие, написанное А. Серафимовичем. Это было мудрое, удивительно прозорливое и взволнованное поэтическое слово о молодом, ярком, сильном таланте начинающего писателя.

«Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды.

Чувство меры в острых моментах, и оттого они пронизывают. Огромное знание того, о чем рассказывает. Тонкий схватывающий глаз. Умение выбрать из многих признаков наихарактернейшие.

Все данные за то, что т. Шолохов развертывается в ценного писателя,— только учиться, только работать над каждой вещью, не торопиться».

С такой «путевкой в жизнь» входил в литературу Михаил Шолохов, путевкой, данной ему старым, многоопытным мастером, сразу и накрепко поверившим в большую судьбу писателя-земляка.

Как высоко ценил Шолохов дружескую помощь старшего собрата по перу, как дорожил его мнением, оценкой, можно судить по письмам Шолохова, адресованным Серафимовичу. Так, посылая ему новую книгу рассказов «Лазоревая степь», вышедшую осенью 1926 года, Шолохов писал:

«Примите эту памятку от земляка и от одного из глубоко и искренне любящих Ваше творчество... Если можно, напишите мне Ваше мнение о последних моих рассказах... Ваше мнение для меня особенно дорого и полноценно». В другом письме (от 22 февраля 1927 года) снова: «...Очень прошу Вас, черкните мне о недостатках и изъянах. А то ведь мне тут, в станице, не от кого услышать слово обличения, а Ваше слово мне особенно ценно...»

Едва лишь вышла в свет первая книжка рассказов, как двадцатилетний Михаил Шолохов уже взялся за осуществление своего дерзкого замысла — создать эпопею о Доне, о народе, среди которого родился и жил и который хорошо знал.

К середине 1927 года работа над первой книгой эпопеи «Тихий Дон» была завершена, а рукопись направлена в Госиздат. Там прочли и, как передает слова М. Шолохова один из его друзей, «замахали руками, как черти на ладан: «Восхваление казачества! Идеализация казачьего быта!» — и все в этом роде».

После неудачи с издательством Шолохов послал свою книгу в редакцию журнала «Октябрь», ответственным редактором которого тогда был А. Серафимович. Однако рукопись не сразу попала к редактору. Читавшие ее члены редколлегии тоже не поняли и не сумели по достоинству оценить это произведение. Одни из них предлагали сделать большие сокращения, другие, как в Госиздате, считали, что печатать эту вещь вовсе не следует. На окончательное заключение рукопись передали редактору. Серафимовича она привела в восторг. И он настоял на необходимости печатать, и печатать немедленно.

Слово «настоял» здесь употреблено не случайно. Надо было сломить упорное сопротивление некоторых членов редколлегии, в частности заместителя редактора, одного из руководящих деятелей РАППа М. Лузгина. В архиве Серафимовича сохранилась записная книжка 1927 года с весьма любопытной записью: «С Лузгиным сидим в ресторане Дома Герцена, говорим о редакционных делах. Уговариваю напечатать Шолохова «Тихий Дон». Упирается».

В первых четырех номерах журнала «Октябрь» за 1928 год была опубликована первая книга «Тихого Дона», а в 5—10-м номерах — подоспевшая к этому времени вторая книга романа.

Сразу после выхода апрельского номера журнала «Октябрь» Серафимович выступил в печати с рецензией, озаглавленной кратко и выразительно: «Тихий Дон». Опубликованная в газете «Правда» 19 апреля 1928 года статья Серафимовича явилась одним из самых первых откликов на публикацию «Тихого Дона».

Серафимович писал:

«Ехал я по степи... На кургане чернел орелик, чернел молодой орелик. Был он небольшой; взглядывая, поворачивал голову и желтеющий клюв... Вдруг расширились крылья,— ахнул я... расширились громадные крылья. Орелик мягко отделился и, едва шевеля, поплыл над степью.

Вспомнил я синеюще-далекое, когда прочитал «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Молодой орелик желтоклювый, а крылья размахнул.

И всего-то ему без году неделя. Всего два-три года чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он...

Да, из яйца маленьких, недурных, «подававших надежды» рассказов вылупился и писа-

тель особенный, ни на кого не похожий,— с своим собственным лицом, таящий огромные возможности.

...Молод и крепок Шолохов. Здоровое нутро. Острый, все подмечающий глаз. У меня крепкое впечатление — оплодотворенно развернет молодой писатель все заложенные в нем силы».

Третьей книге эпопеи выпала нелегкая судьба.

Сначала все, казалось бы, шло хорошо. В первых трех номерах журнала «Октябрь» за 1929 год были напечатаны первые двенадцать глав третьей книги «Тихого Дона». Потом...

Третья книга романа (6-я часть) посвящена описанию сложных событий гражданской войны, в частности, Верхнедонского восстания в 1919 году. Этот исторический факт к тому времени не был достаточно хорошо изучен историками и еще не получил должного освещения в специальной исторической литературе. Поэтому автору романа пришлось самому проделать огромную исследовательскую работу, изучить массу архивных документов и все печатные источники по данному вопросу, собирать и записывать воспоминания участников событий и лишь потом приняться за художественное воплощение их, стараясь ни в чем не отступать от исторической правды. Все это, естественно, затормозило работу писателя. Но когда третья книга романа была завершена и представлена редакции «Октября», то вновь повторилась старая история.

К этому времени А. Серафимович покинул редакцию, сославшись на необходимость отдать все силы творческой работе. На самом же деле причина заключалась не только в этом. Его уход был вызван несогласием с той грубо левацкой линией, какую все более упорно и бесцеремонно проводили ортодоксальные «вожди» РАППа, органом которого являлся журнал.

Рукопись третьей книги (6-й части) «Тихого Дона» в редакции журнала «Октябрь» встретили недружелюбно, с предубеждением. Исторически правдивое повествование о трагических событиях 1919 года на Дону «компетентные» ценители из тогдашнего состава редакции «Октября» восприняли как «художественный вымысел» автора. Его упрекали в нарочитом «искажении» истории и даже в желании «оправдать» белоказачье восстание на Верхнем Дону. Ничтоже сумняшеся, Шолохову предлагали такие сокращения и переделки, принять которые он, конечно, не мог.

В письме к А. Серафимовичу от 1 апреля 1930 года Шолохов писал:

«Мне очень хочется поделиться моими новыми «радостями». Вам уже, наверное, известно, что 6 ч. [шестую часть] «Тихого Дона» печатать не будут... Очень прошу Вас, оторвите для меня кусочек времени и прочтите сами 6 ч. Страшно был бы рад получить от Вас хоть короткое письмо с изложением Ваших взглядов на 6 ч. [шестую часть]. Мне не хочется говорить Вам о значении, какое имеет для меня Ваше слово, и как старшего, и как земляка...».

За помощью Шолохов обратился также к Максиму Горькому.

Усилиями двух самых авторитетных писателей, основоположников литературы социалистического реализма Горького и Серафимовича было налажено печатание в журнале «Октябрь» с января 1932 года третьей книги романа.

При публикации последней, четвертой книги «Тихого Дона» Шолохов ни в чьей помощи уже не нуждался. Орленок вырос в большого, сильного, могучего орла.

Трудным был путь Шолохова к достигнутым им орлиным вершинам. И не только потому, что писательская деятельность сама по себе — титанический труд.

Помимо трудностей творческого характера, наряду с ними Шолохову пришлось преодолевать немало и иных препятствий, помех извне. Их было столько и таких, что не каждый выстоял бы. И в этом отношении велико было для Шолохова значение помощи со стороны А. Серафимовича.

В уже цитированном выше письме к Серафимовичу Шолохов писал:

«А вторая «радость» — «новое дело», уже начатое против меня. Я получил ряд писем от ребят из Москвы и от читателей, в которых меня запрашивают и ставят в известность, что вновь ходят слухи о том, что я украл «Тихий Дон» у критика Голоушева — друга Л. Андреева и будто неоспоримые доказательства тому имеются в книге-реквиеме памяти Л. Андреева, сочиненной его близкими. На днях получаю книгу эту и письмо от Е. Г. Левицкой. Там подлинно есть такое место в письме Андреева С. Голоушеву, где он говорит, что забраковал его «Тихий Дон». «Тихим Доном» Голоушев — на мое горе и беду — назвал свои путевые заметки и бытовые очерки, где основное внимание (судя по письму) уделено политическим настроениям донцов в 17 году. Часто упоминаются имена Корнилова и Каледина. Это и дало повод моим многочисленным «друзьям» поднять против меня новую кампанию клеветы.

Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором». На меня и так много грязи вылили. А тут для всех клеветников — удачный момент. Третью книгу моего «Тихого Дона» не печатают. Это даст им (клеветникам) повод говорить: «Вот, мол, писал, пока кормился Голоушевым, а потом иссяк родник...»

Горячая у меня пора. Сейчас кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня руки отваливаются, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов».

В чем же было дело? Завистники и злопыхатели, литературные подпевалы троцкистского толка, явные и тайные враги Советской власти и советской литературы, которых тогда было еще немало, всячески старались опорочить замечательный роман и его талантливого создателя, измышляя всевозможные клеветнические версии об «истоках» шолоховского «Тихого Дона», нагло обвиняя писателя в плагиате. Когда публиковалась первая книга эпопеи, они говорили: «Вот увидите, второй книги не будет». Но вторая книга была напечатана сразу же вслед за первой. Клеветники на время замолкли. А едва наступил перерыв в публикации, снова полезли из всех щелей, используя удачный для них момент.

29 марта 1929 года А. Серафимович с группой писателей выступил в «Правде» с письмом в редакцию, в котором была дана гневная отповедь клеветникам, обливавшим грязью и злобно травившим автора талантливейшего романа: «Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть... Материалов таких не существует в природе».

В свете этих обстоятельств становится ясным, как важно было поскорее опубликовать третью книгу романа, которая своим появлением опровергала наветы клеветников, злорадно твердивших: «иссяк родник».

Как видим, в трудные моменты на своем писательском пути Шолохов неизменно ощущал дружескую руку Серафимовича. Помощь его всегда приходила вовремя. И потому глубоко права старая революционерка Елизавета Ломтатидзе, хорошо знавшая Серафимовича и воочию наблюдавшая, как он «за Шолохова стоял горой», когда писала в своих воспоминаниях: «Не будь Серафимовича, я уверена, что литературный путь Шолохова был бы весьма затруднен».

Нельзя обойти и тот факт, что в 1930 году, когда Шолохов готовился к вступлению в партию, первую рекомендацию он получил от своего старшего друга — старого коммуниста А. Серафимовича.

Можно было бы привести множество высказываний Серафимовича, характеризующих Шолохова, но в заключение мы ограничимся лишь одним, еще мало известным. Это строки из оставшейся незавершенной автобиографической повести Серафимовича «Писатель», над которой автор работал в последние годы своей жизни.

«Самый сильный, самый талантливый из всех нынешних советских писателей — это Михаил Шолохов, огромное дарование. Чем он резко выделяется, так это своей художественной убедительностью. Открываешь страницу, там люди, живые люди, любят, умирают, ссорятся, делают глупости, совершают подвиги. Там много смешного, остроумного, горького, как в жизни. Их берешь не как изображения, забываешь, что это — книга. Пейзаж у него такой же живой, такой же убедительный... Я ни у кого не встречал такой художественной правды, такой правдивости в описании степи и ее обитателей, —незабываемо».

СТР

Михаил Шолохов и Николай Островский — люди одного поколения, одной героической закалки. Дружба между писателями началась после выхода в свет романа «Как закалялась сталь». Н. Островский подарил М. Шолохову свою книгу. В ответном письме Михаил Шолохов писал:

«Дорогой Николай Островский!

Книгу получил. Спасибо. Прости за долгое молчание. Я думал побывать в Сочи, увидеть тебя, поговорить, но так и не пришлось.

Пользуюсь «оказией»,— посылаю 1-ю книгу «Тихого Дона». Как только выйдет из печати последняя — тотчас пошлю.

Прими мой горячий дружеский привет. Крепко жму руку. Желаю тебе бодрости, здоровья, успеха в работе.

М. Шолохов.

8.7.36 г.».

Окончив «Как закалялась сталь», Н. Островский сразу же приступил к созданию нового романа — «Рожденные бурей». Работа потребовала изучения архивного материала, встреч с людьми — участниками борьбы с пилсудчиками. С этой целью, несмотря на запрещение врачей, Н. Островский приезжает в Москву. Летом 1936 года он возвращается в Сочи, куда приглашает и автора «Тихого Дона» — отдохнуть, познакомиться лично.

Михаил Шолохов пишет Островскому:

«Спасибо за письмо, за доброе отношение ко мне. В Сочи непременно приеду, как только разделаюсь с окаянной книгой. Сейчас, не глядя на жару, начал работать. Сижу, обливаюсь горьким потом и с вожделенигм поглядываю на Дон. По совести говоря,— работать в такую дикую погоду нет ни малейшего желания, хотел улизнуть куда-нибудь на простор, но... побаиваюсь, как бы жена не стала привязывать за ногу к письменному столу.

История литературы знает такие примеры гнусной эксплуатации нашего брата.

Свояченица Лидия со свойственным легкомыслием целыми днями трещит о тебе, рассказывает без конца и краю. Приходит и вместо «здравствуй» начинает: «А вот Николай Алексеевич» и т. д. и пошла, как из «максима», поливать, да длинными очередями, да часа на два. Ужас, что творится в нашем тихом доме! Должен Вам сказать, тов. бригадный комиссар, что Вы и лежа на постели разите беззащитных девушек, неудобно это, и я не я буду, если не шепну Вашей жене при встрече кое-что!

Крепко обнимаю тебя, дорогой Николай, и желаю всего доброго. До скоро-

...ОКИ ДРУЖБЫ

го, надеюсь, свидания. Мой сердечный привет твоей маме и всем твоим близким.

М. Шолохов.

14.8.36 г.
Вешенская».

21 августа 1936 года Н. Островский телеграфирует М. Шолохову:

«Станица Вешенская, Михаилу Шолохову.
Ваши дружеские письма получил. Сегодня кончил свою окаянную. Отдохну маленько, напишу. До скорого свиданья. Привет товарищам Лиде, Марии.

Твой Николай».

А спустя несколько дней пишет обстоятельное письмо:

«Дорогой товарищ Миша!
Первое, что я хочу спросить у тебя, это когда ты приедешь со своим коллективом к нам в Сочи? Ведь лето уходит! Неприветливая осень уже нахально ворвалась к нам, и сразу стало холодно и сыро. Конечно, эта старая дева уберется на месяц-два к себе обратно, но ты не жди, когда это время настанет, а приезжай как можно скорее. Помни, Миша, что я ненадежный насчет многолетней жизни парень. И если ты хочешь пожать мне руку, то приезжай, не откладывая на будущий год.
Конечно, я человек упрямый, как истинный хохол, и буду держаться до последнего, но все же ты на меня не надейся очень. По честности предупреждаю, чтобы не сказал: «Вот Николай — взял да и подвел!»
На предисловии точка.
Теперь давай поговорим по-семейному. Насчет «беззащитных девушек» ты это весьма несправедливо. Поскольку мне известно из «достоверных источников», эта твоя «беззащитная девушка» отчаянно царапается, и одному здоровенному дяде от нее не поздоровилось. Как видишь, о беззащитности нельзя говорить. Сам знаешь, казачки — народ опасный и далеко не спокойный.
Тебе ли, знающему их сердца, говорить о беззащитности? Тут дай бог самому унести ноги.
Я хочу прислать тебе рукопись первого тома «Рожденных бурей», но только с одним условием, чтобы ты прочел и сказал то, что думаешь о сем сочинении. Только по честности, если не нравится, так и крой: «Кисель, дескать, не сладкий и не горький». Одним словом, как говорили в 20-м году — «мура».
Знаешь, Миша, ищу честного товарища, который бы покрыл прямо в лицо. Наша братия, писатели, разучились говорить по душам, а друзья боятся обидеть. И это нехорошо. Хвалить — это только портить человека. Даже крепкую натуру можно сбить с пути истинного, захваливая до бесчувствия. Настоящие друзья должны говорить правду, как бы ни была остра, и писать надо больше о недостатках, чем о хорошем,— за хорошее народ ругать не будет.
Вот, Миша, ты и возьми рукопись в переплет.
Помни, Миша, что я штатный кочегар и насчет заправки котлов был неплохой мастер. Ну, а литератор из меня «хужее». Сие ремесло требует большого таланта. А «чего с горы не дано, того в аптеке не купишь»,— говорит старая чешская пословица.
Так-то, медвежонок наш вешенский!
Теперь посоветуй мне, как вытащить тебя из Вешек? Без помощи товарищей Марии и Лиды, я вижу, тебя не сдвинешь с места.
25 октября я уезжаю в Москву на всю зиму.
Тряхни стариной, Мишенька, и прикатывай! А если не приедешь, то напиши прямо.
Крепко жму твою лапу.
Привет товарищу Марии и Лиде, а доченьку нежно обнимаю.

Твой Н. Островский.

28.8.36 г.
Сочи».

М. А. Шолохов, занятый работой над 4-й книгой «Тихого Дона», не смог принять приглашения Островского приехать в Сочи летом 1936 года.

Приближалась дождливая осенняя пора, и Островские стали готовиться к возвращению в Москву.

1 октября 1936 года Н. Островский телеграфирует:

«Дорогой Михаил. Когда тебя ждать Москве. Привет всем.

Твой Николай Островский».

На следующий день Михаил Александрович Шолохов отвечает теплым письмом:

«Дорогой Островский!
Спасибо за дружеское внимание, за письмо. С негодованием отметаю, как говорится, разговоры о твоей недолговечности и всем сердцем желаю тебе жить до старости, не старея.
В Сочи, пожалуй, не приеду. А вот в Москве увидимся всенепременно! В конце этого месяца я тоже махну туда на неделю-другую, и тогда и повидаемся, и поговорим, и «Рожденные бурей» там же прочту. А сейчас не могу поехать.
За этот месяц надо поработать до горького пота. Если не закончу «Тихий Дон»,— брехуном прослыву на весь белый свет, а перспектива эта мне не улыбается. Ездил в Москву, слезно просил освободить меня от поездки на антивоенный конгресс. [...] и вот я снова за столом, допоздна «перекрываю нормы», а наутро прочитаю и за голову хватаюсь... Сии писательские чувства тебе самому известны, а потому и расписывать их нечего.
Наши все тебе и твоим близким кланяются, а я обнимаю тебя и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов.

2.10.36.
Вешенская».

* * *

Улица Горького, 14. Здесь прошел последний год жизни писателя-коммуниста Николая Островского. Здесь в гостях у Н. Островского в ноябре 1936 года побывал М. Шолохов со всей своей семьей.

Вдова Н. Островского Раиса Порфирьевна рассказывает, что этой встречи Николай Алексеевич ждал, как праздника. После знакомства с малышами — детьми Шолохова он раздал им подарки, шутил, смеялся. Оставшись одни, писатели долго и горячо беседовали. К сожалению, их разговор не был записан.

22 декабря 1936 года Н. А. Островский скончался.

24 декабря в газетах «Большевистский Дон» и «Молот» был опубликован некролог, написанный М. Шолоховым. 27 декабря «Комсомольская правда» напечатала прощальное слово «Велика тяжесть утраты», где М. А. Шолохов писал:

«Из рядов советской литературы смерть вырвала мужественного, стойкого и честного писателя-бойца. Даже поверженный болезнью, безмерно страдающий, он до последнего вздоха сражался оружием писателя-коммуниста за великие идеи своей партии. На примере Островского миллионы людей будут учиться, как надо жить, бороться и побеждать, любить свою Родину. Велика тяжесть понесенной нами утраты, но она не может погасить гордости за страну, за партию, за Ленинский комсомол, воспитавший такого замечательного человека.

О нем всегда будут вспоминать с любовью, признательностью и восхищением».

Такова короткая, но яркая летопись этого высокого и принципиального товарищества.

Зинаида ГАЙСАНЮК,
старший научный сотрудник Московского государственного музея Н. А. Островского

ВЕШЕНСКАЯ В ЦВЕТУ

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

В конце марта в Москве при встрече с Михаилом Александровичем мы договорились о том, что, как и прошлые годы, где-то перед маем вместе с фотокорреспондентом «Огонька» Николаем Козловским я прилечу в Вешенскую.

— Хорошо... Только позвони из Ростова.

— Позвоню еще из Москвы.

За это время вышло три тома издаваемого приложением к «Огоньку» восьмитомного собрания сочинений писателя. О том, какой жгучий интерес вызвало это предъюбилейное издание, можно было судить по бесконечным просьбам многих и многих читателей помочь подписаться «на Шолохова». Обычный тираж приложений к «Огоньку» в 375 тысяч оказался недостаточным. Согласно просьбам читателей и выступлениям членов юбилейного шолоховского комитета, тираж издания был увеличен еще на 200 тысяч экземпляров.

— Шолоховские книги нам приходится выдавать в виде премий особо отличившимся,— сказал на заседании юбилейного комитета первый секретарь Ростовского обкома КПСС Иван Афанасьевич Бондаренко.— А приходится так делать, потому что книг Шолохова не хватает. Поэтому мы и просим увеличить тираж.

К моменту, когда подошел срок нашего вылета в Вешенскую, на редакционном столе лежал четвертый том, в котором заканчивался «Тихий Дон». Рядом с ним — листы верстки восьмого тома, в котором собраны очерки, публицистика, выступления Шолохова. Перечитывая том, я невольно задержался на статье «Великий друг литературы», посвященной памяти Михаила Ивановича Калинина. В ней Шолохов рассказывал об одной из своих послевоенных встреч с всесоюзным старостой, в которой разговор шел и о его романе «Они сражались за Родину».

«— Поймите, мы, читатели, хотим от вас, писателей, не просто книг, а хороших книг, глубоко и всесторонне отображающих нашу жизнь,— передавал слова М. И. Калинина Шолохов.— Этим обстоятельством и объясняется мое, так сказать, «вмешательство» в ваши планы. А о таком грозном событии, как минувшая война, из которой наш народ вышел с победой, с великой честью, мы тем более хотим читать настоящие книги, такие книги, которые жили бы, ну, скажем, десятилетия, если не говорить о большем. А то ведь как у некоторых писателей получается? Не выносил, не выстрадал, не обдумал как следует, поспешил, и вот, извольте, готова книга-поденка, а то, чего доброго, и две в год. А ты ее сегодня прочитал, а назавтра, смотришь, уже забыл этого капитана или лейтенанта — основного героя произведения,— и героиню забыл, и фамилии их не помнишь, и содержание книги с трудом восстанавливаешь в памяти... Прошли перед тобой не живые люди, а серые, бесплотные тени, как же их упомнить? А если к этому добавить еще плохой язык автора и далеко не безупречную форму произведения, то и помнить-то незачем.

...— А хорошая книга, по-моему, та, у которой под обложкой жизнь пульсирует, как кровь под кожей, которая запоминается если не навсегда, то надолго, которую еще раз захочется перечитать... Чеховскую «Степь» вы помните?— спросил, оживляясь, Михаил Иванович и с увлечением заговорил о Чехове, Толстом, Горьком.

Потом он пытливо расспрашивал о жизни колхозников на Дону и, вспомнив свою поездку на фронты гражданской войны, задумчиво сказал:

— Хороший там народ, как и везде у нас. С таким народом и воевать и строить можно. Особенно хороши у вас там женщины: трудолюбивые, упорные, с характером. Тогда, бывало, они при встрече со мной не ныли, не плакали, что вот, мол, ситца нет, мыла нет, иногда, когда уж сильно за живое брало, помню, поругивались... основательно поругивались...— И, посмеиваясь, прищурившись с эдакой крестьянской, непростой хитрецой, сказал: — Что же, по-моему, лучше выругаться, когда невтерпеж, чем ныть и хлюпать, а? Как вы думаете?

С любовью говоря о несокрушимой жизнеспособности нашего народа, Михаил Иванович рассказал о таком случае:

— ...Тогда же, в двадцатых годах, в ваших краях проездом заехал я как-то на пасеку. Война только кончилась, пасека разорена, медком-то побаловались и белые и наши... А пасечник-старик встречает меня веселый, оживленный. Спрашиваю: «Ну, как живешь, дедушка?» — «Хорошо, Михайло Иваныч!» — «Чем же хорошо? Война-то разорила?» — «Тем и хорошо, что разорила, да не совсем: из сорока ульев один остался, и то — слава богу! Семья в этом улье могучая, скоро пчелки отраиваться будут. Приезжай, Михайло Иваныч, годика через три, пасеку не узнаешь, а сотовым медом дорогого гостя и сейчас угостить могу...»

Прощаясь со мной, Михаил Иванович спросил, когда я думаю закончить первую книгу. Я назвал приблизительный срок.

— Тогда я еще дождусь и почитаю,— сказал он.— А впрочем, вы не торопитесь и не особенно считайтесь с нашим читательским желанием: наше дело — жать на писателя, чтобы книга была поскорее, а ваше дело — создать такую книгу, чтобы она была достойна внимания народа, которому вы служите. В конце концов за книгу будете отвечать вы, а не читатель. Об этом не забывайте! — напутствовал меня Михаил Иванович».

В этом же томе напечатана речь Михаила Александровича, произнесенная им в 1946 году перед избирателями станицы Вешенской. Сейчас, когда Вешенская преобразилась, хочется вспомнить слова, сказанные тогда Шолоховым:

«Товарищи избиратели! Разрешите поблагодарить за высокую честь и доверие, которые вы мне оказали, выдвинув своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Мне приятно выступать перед вами — моими одностаничниками. Все вы меня знаете хорошо, и я вас отлично знаю каждого. Поэтому я не буду говорить о себе. Скажу несколько слов о предстоящих нам с вами задачах. Советское правительство и наша партия требуют от нас скорейшего залечивания ран, нанесенных войной. Надо приложить все старания к восстановлению разрушенного хозяйства. Возрождая сельское хозяйство, тем самым мы усилим мощь нашей Родины.

Нам, вешенцам, помимо общих задач, которые мы будем решать вместе со всем народом, предстоит возродить былую славу и красу своего района. На возрождение Вешенского района правительство отпустило большие средства. Но надо еще много приложить сил и старания для использования местных возможностей. Наша задача — в ближайшие год-два превратить разрушенную Вешенскую станицу в красивую, благоустроенную станицу, какой она была в довоенные годы.

Депутатские обязанности сложны. Депутат должен быть чутким ко всем просьбам и жалобам избирателей. Депутат — активный деятель, ревностный наблюдатель того, как на местах проводятся в жизнь решения правительства.

Я обязуюсь служить вашим интересам. Моя основная профессия — писатель. Я на литературном поприще буду работать так, чтобы вам не было стыдно за меня».

Перечитывая все, что Михаил Александрович включил в этот том, еще и еще удивляешься тому, как тесно соединены в творчестве Шолохова все жанры. Все обращено к народу и черпается из народа!

...Как будто бы совсем недавно летели мы в Вешенскую к Михаилу Александровичу, чтобы решить с ним, чьими иллюстрациями сопроводить собрание сочинений и одновременно вместе с Шолоховым посмотреть пейзажи художника Бориса Щербакова, который с полной отдачей потрудился над созданием «Вешенской сюиты» — галереи родных шолоховских мест. Было это в начале июня прошлого года. Совсем недавно, казалось бы... А сейчас в портфеле лежал четвертый том с памятным для всех читателей рисунком Ореста Верейского — Григорий Мелехов с Мишаткой. Трудно было более выразительно проиллюстрировать заключительные слова «Тихого Дона»:

«Что ж, вот и сбылось то немногое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына...

Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Ровно стрекотала желтая пчелка, хлопотливая «Морава», искусно ведомая бывшим военным летчиком-истребителем, а ныне ростовским гэвээфовцем Анатолием Сергеевичем Акоповым. Легкий голубовато-синий туман стоял над зелеными коврами озимой пшеницы, над черными, широкими полосами пашни. То и дело под крыльями самолета появлялись большие прямоугольники садов. Они уже цвели, качали казавшимися сверху седыми ветвями. Как старый топографический знак, появился впереди базковский элеватор, а за ним и голубая полоска Дона.

По просьбе Козловского Акопов сделал несколько виражей над Вешенской, сверху видной каждым двором, каждым зданием и домом, и мы пошли на посадку. Еще не остановились винты, как увидели мы седоголового человека, направлявшегося к «Мораве». Это был секретарь райкома партии Иван Филиппович Зимовнов.

— Сегодня пленум райкома партии,— сказал он озабоченно.— На повестке вопросы качества строительства... Вопросам качества мы придаем сейчас большое значение... И в сельском хозяйстве.

Рядом со служебным домиком вешенского аэропорта укладывали асфальт.

За утренней почтой.

Под крылом — Вешенская.

Здесь начинается станица.

Мария Петровна и Михаил Александрович Шолоховы.

Возле вешенского Дворца культуры.

— Площадка для посадки вертолетов,— продолжал сообщать вешенские новости Зимовнов.

Машина тронулась в путь.

— Сегодня к вечеру в Вешенской состоится областная планерка по проверке готовности к приему гостей, которые приедут на празднование,— говорил Зимовнов.

Запах горячего асфальта преследовал нас почти до Вешенской. Заново асфальтировали дорогу. По старому понтонному мосту в станицу шли машины.

— Рядом пройдет другой мост,— указал на реку Зимовнов.— Чтоб не ждать машинам на берегу, будет двухстороннее движение.

На въезде в станицу возле колонны, на которой сверху вниз протянулась надпись «Вешенская», сидело несколько девушек и ребят. Это были вполне современные девчата и вполне современные ребята.

Может, в предыдущие поездки мы и не очень внимательно присматривались к самой станице, но на этот раз, бродя по улицам, увидели много перемен. На одном из центральных перекрестков появился светофор. Поднялось немало современных зданий: школ, магазинов, почты и телеграфа, Дворца культуры с широкой площадью перед ним.

На ступеньках дворца сидели пожилые казаки в синих шароварах с красными лампасами. Чуть поодаль от них стояли в одноцветных, вышитых кофтах женщины.

— Сегодня репетиция сводного народного хора, который готовит программу к празднику. Подойдем? — спросил Зимовнов.

Был перерыв. Из Дворца культуры появлялись все новые участники самодеятельности.

— Это коллективы шести хоров... Тут есть и кружилинцы.— Зимовнов показал на улыбающихся женщин.— Спойте, девчата,— попросил Зимовнов.

Второго приглашения делать было не надо. Зазвучала старая казачья песня, сменившаяся лихой пляской...

Подошло время встречи с Михаилом Александровичем. Через знакомую площадь мы направились к шолоховскому подворью. Но и на площади нас ожидало новое. Среди цветущих деревьев на темно-красном гранитном постаменте поднялся памятник Владимиру Ильичу.

Чем ближе мы подходили к дому Шолохова, тем больше забирало в полон весеннее цветение, белое и розовое.

Таким же встретил нас и шолоховский двор — в буйном цвету. Михаил Александрович ожидал, как обычно, на крыльце. Он был все в той же старой гимнастерке и кепочке с широким козырьком от ярко сверкающего солнца.

— Что нового привез?

Я протянул четвертый том. Шолохов начал листать книгу, задержав взгляд на том самом рисунке.

— Молодец Верейский,— сказал он.— Пойдем в кабинет, там прохладней.

Присев возле письменного стола, на котором лежала стопка книг «Судьба человека», Шолохов проговорил:

— Приезжал Бондарчук с картиной...

— Да, в «Советской культуре» был отчет.

— В общем, фильм получился,— закуривая сигарету, сказал Шолохов.— Книга писалась в сорок третьем году. Все мы тогда — от солдата до маршала — были полны веры в победу. Именно это и удалось показать Бондарчуку и его товарищам, хотя делать картину было непросто. За книгу писатель отвечает один, а в картине уже целый коллектив во главе с режиссером... Тут все сложнее... Очень хорош в фильме Василий Шукшин.— Шолохов помолчал.— Очень жаль его... Много бы мог еще сделать. Ты видел картину?

— Еще нет.

— Посмотри... Конечно, есть в ней и некоторые недостатки. Пиротехники хватило бы на большое сражение. Крови многовато. Конец фильма можно было бы сделать внушительней.. Но в целом картина получилась. Получилась. Тронула меня картина...

Со мной была статья ростовского литературоведа Аркадия Айрумяна, где автор рассказывал о том, как на первых порах Александр Серафимович поддерживал молодого Шолохова в нелегких обстоятельствах, возникших при публикации «Тихого Дона». Я попросил Михаила Александровича прочитать статью.

— Давай... К утру прочту.

— Еще просьба. Работники литературной редакции Всесоюзного радио просят записать тебя. У них почти нет твоего голоса на пленке... Они хотели бы приехать в Вешенскую.

Шолохов посмотрел на меня, помолчал и снова улыбнулся:

— Хорошо... Передай своим товарищам из литературного радио, что как приеду в Москву, так и запишусь. Это проще. Вообще, конечно, под юбилей просьб не сосчитать. Много получаю писем...

К высокой спинке старого дивана было прислонено два портрета Шолохова, выжженных на дереве, и акварель с изображением дома, где родился Шолохов.

— Подарки школьников,— тепло сказал Шолохов.

На обороте были обозначены фамилии авторов — учеников 8-го и 10-го классов из города Невинномысска...

— Приходите завтра к восьми завтракать,— сказал Шолохов, когда мы вышли на крыльцо.

— Михаил Александрович, а мне можно раньше? — взмолился Козловский.

— Ладно, вместе или порознь, но к завтраку. Мария Петровна вас ждет.

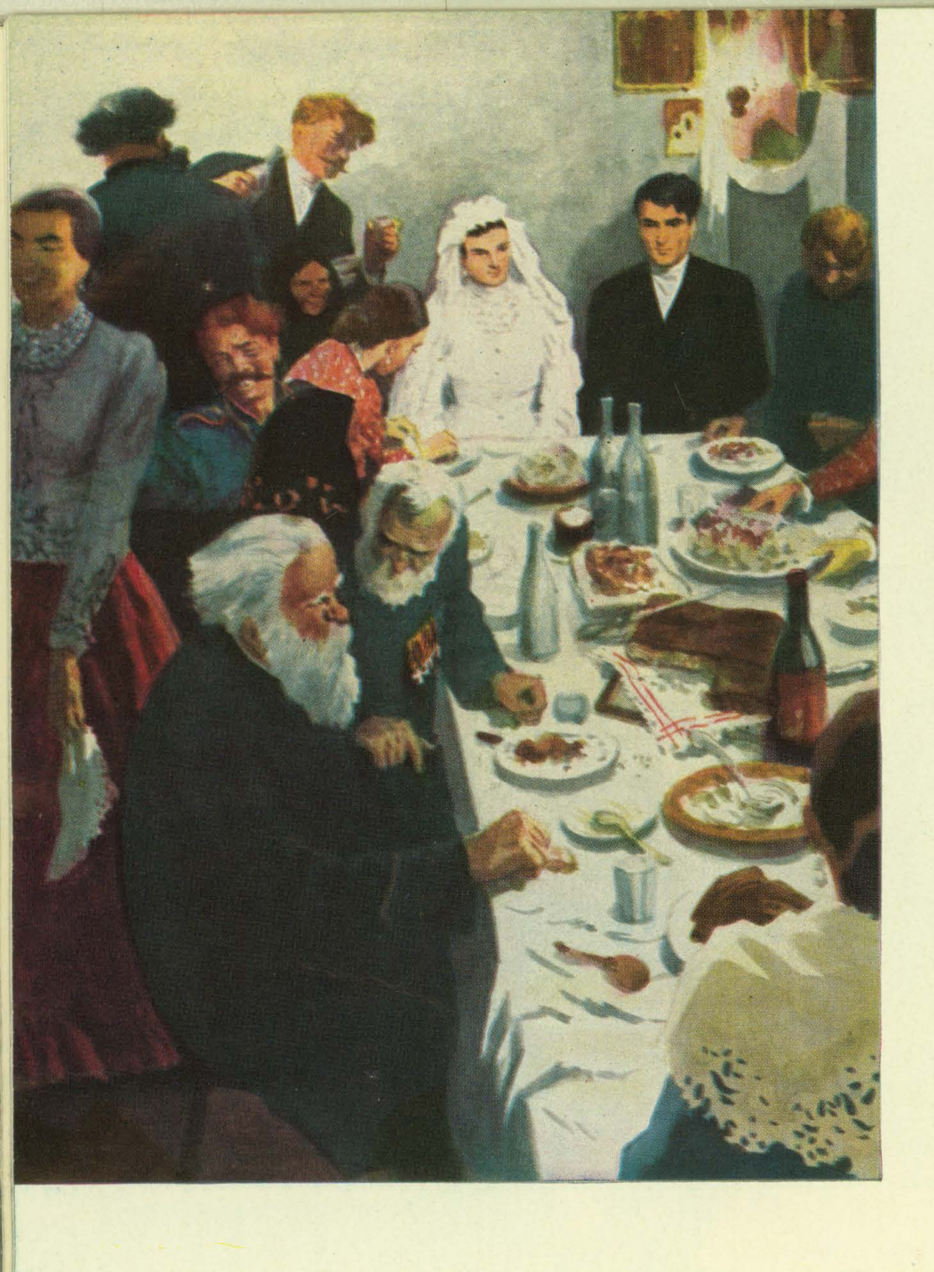
Мы вышли за ворота и, не сговариваясь, спустились с откоса к Дону. Тихо плескались у песчаного берега волны. Сквозь ажурную сетку зеленеющих тополей видны были рыбачьи лодки. На берегу, вверх просмоленными днищами, лежали баркасы, дожидаясь своей очереди...

Утром во всеоружии Козловский ушел к Шолохову. Но через несколько минут в дверь номера постучала дежурная: «Михаил Александрович просит вас к телефону». Я вышел в коридор. «Приходи завтракать, Мария Петровна ждет». Голос у Михаила Александровича был молодой.

В саду, среди цветущих яблонь, орудовал Козловский. Здесь же бы-

О. Верейский. ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ МИХАИЛА ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН».

«ТИХИЙ ДОН».

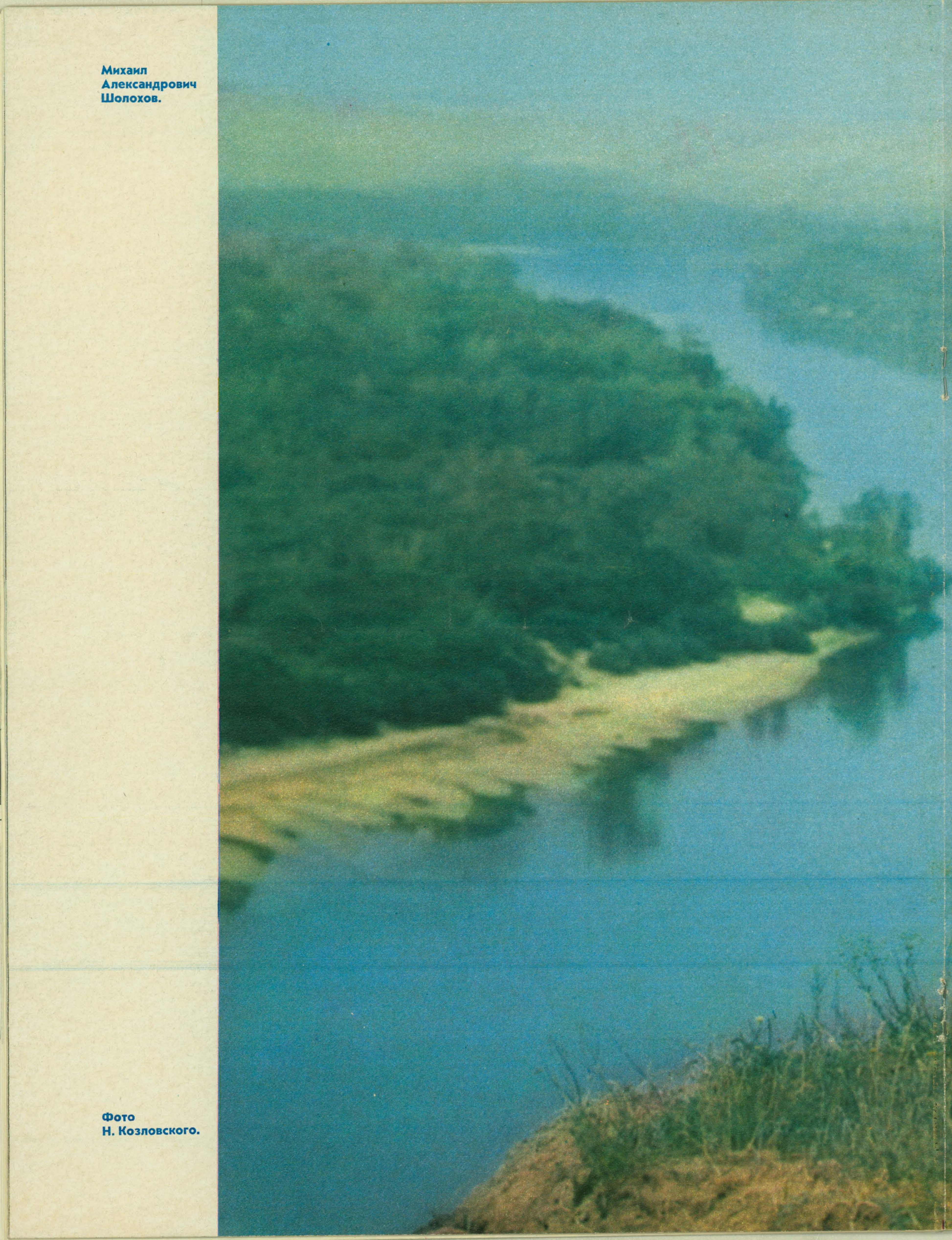
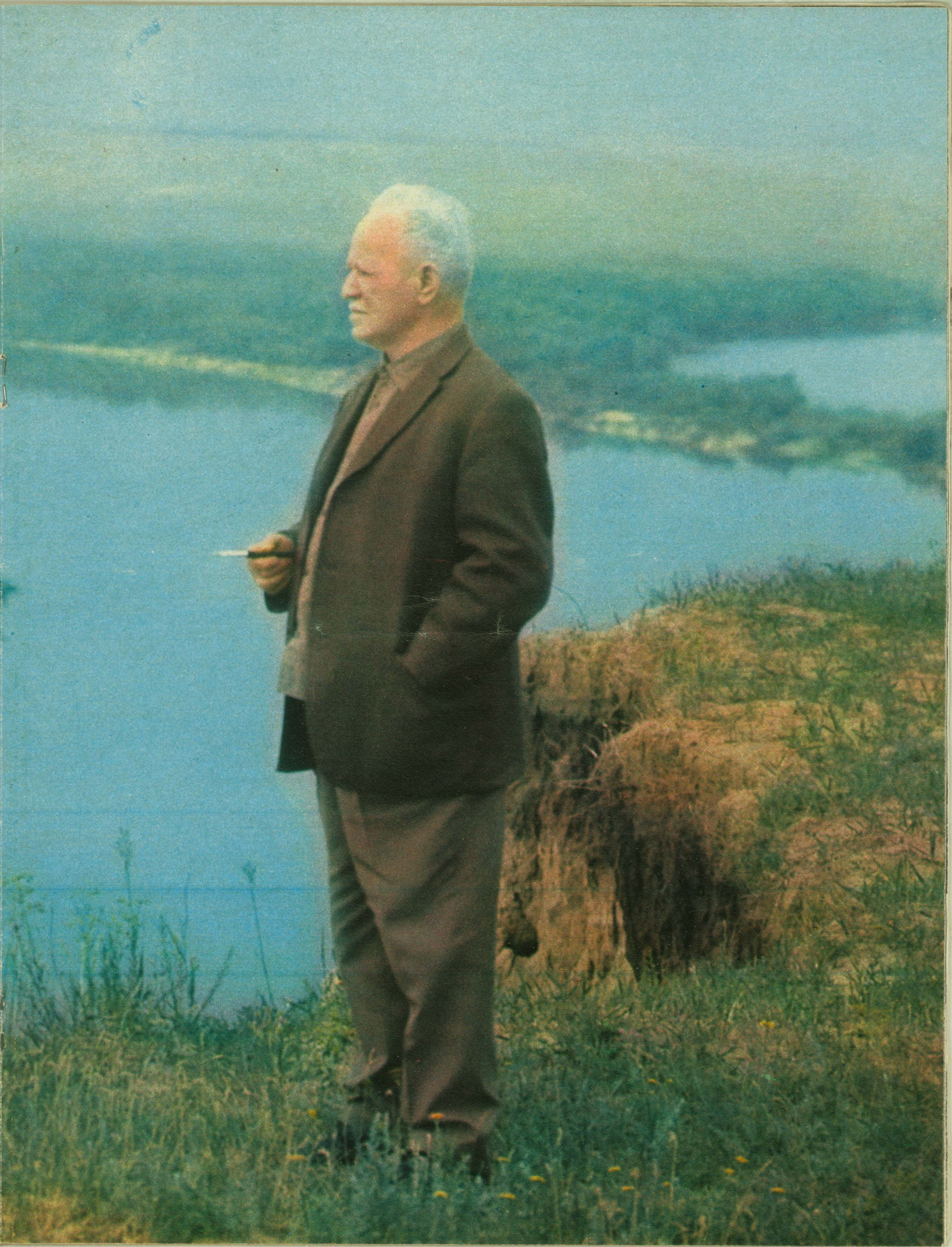
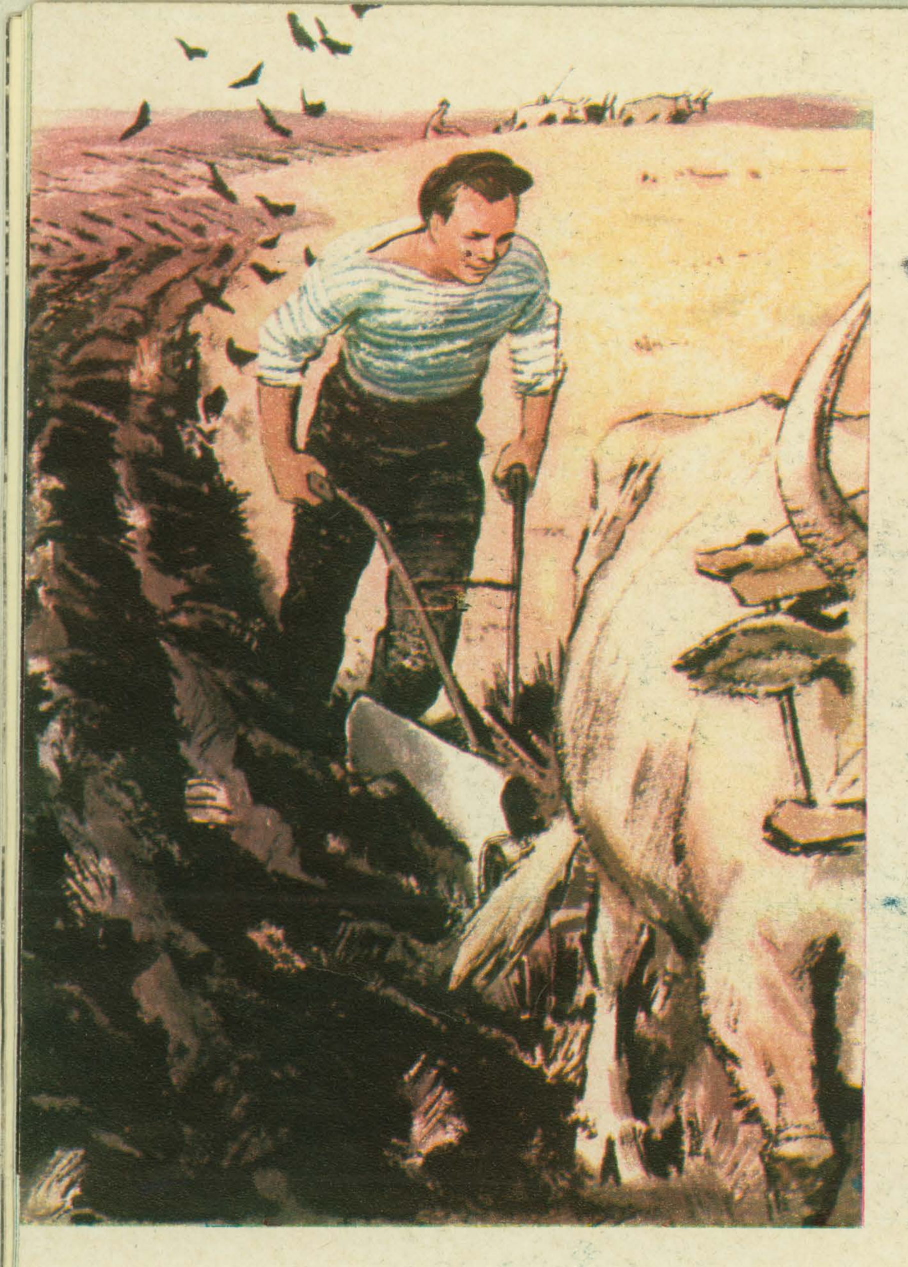
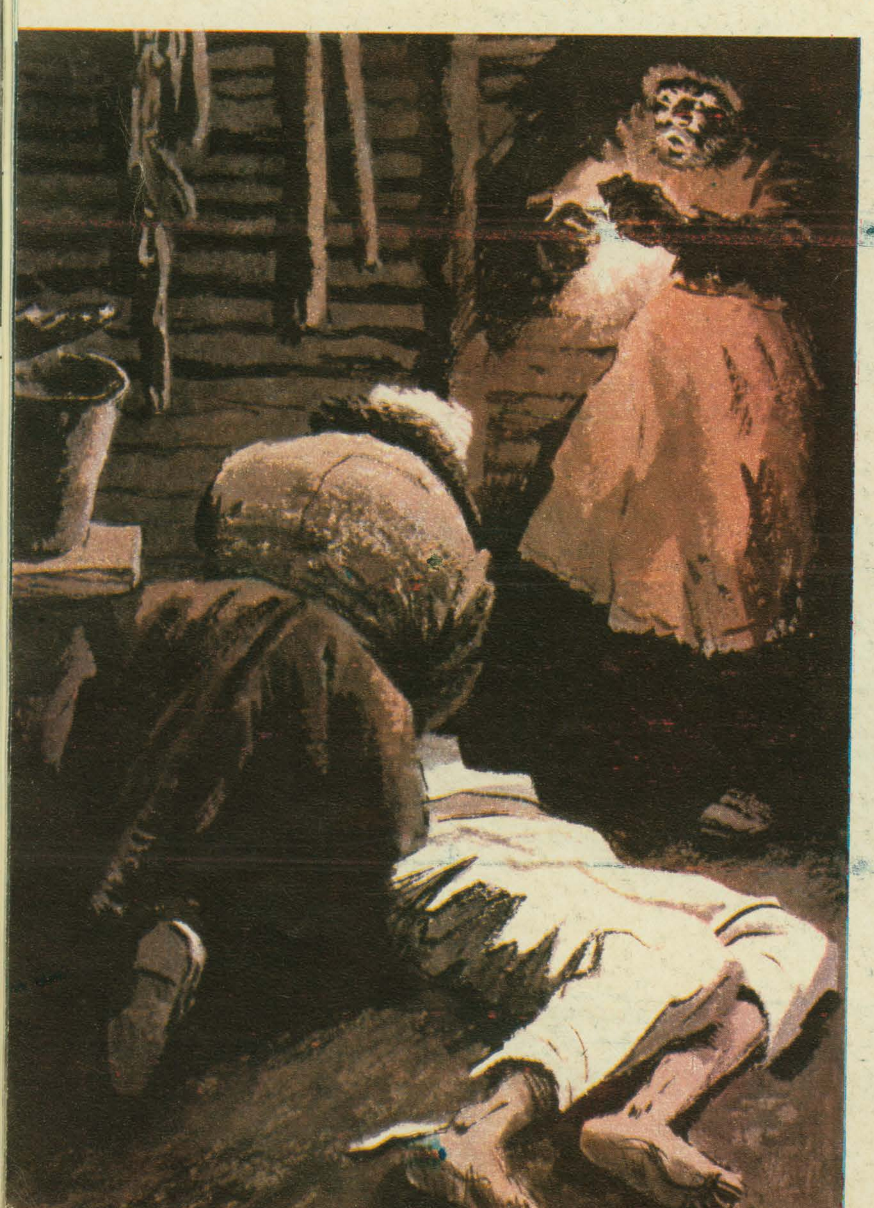

Михаил Александрович Шолохов.

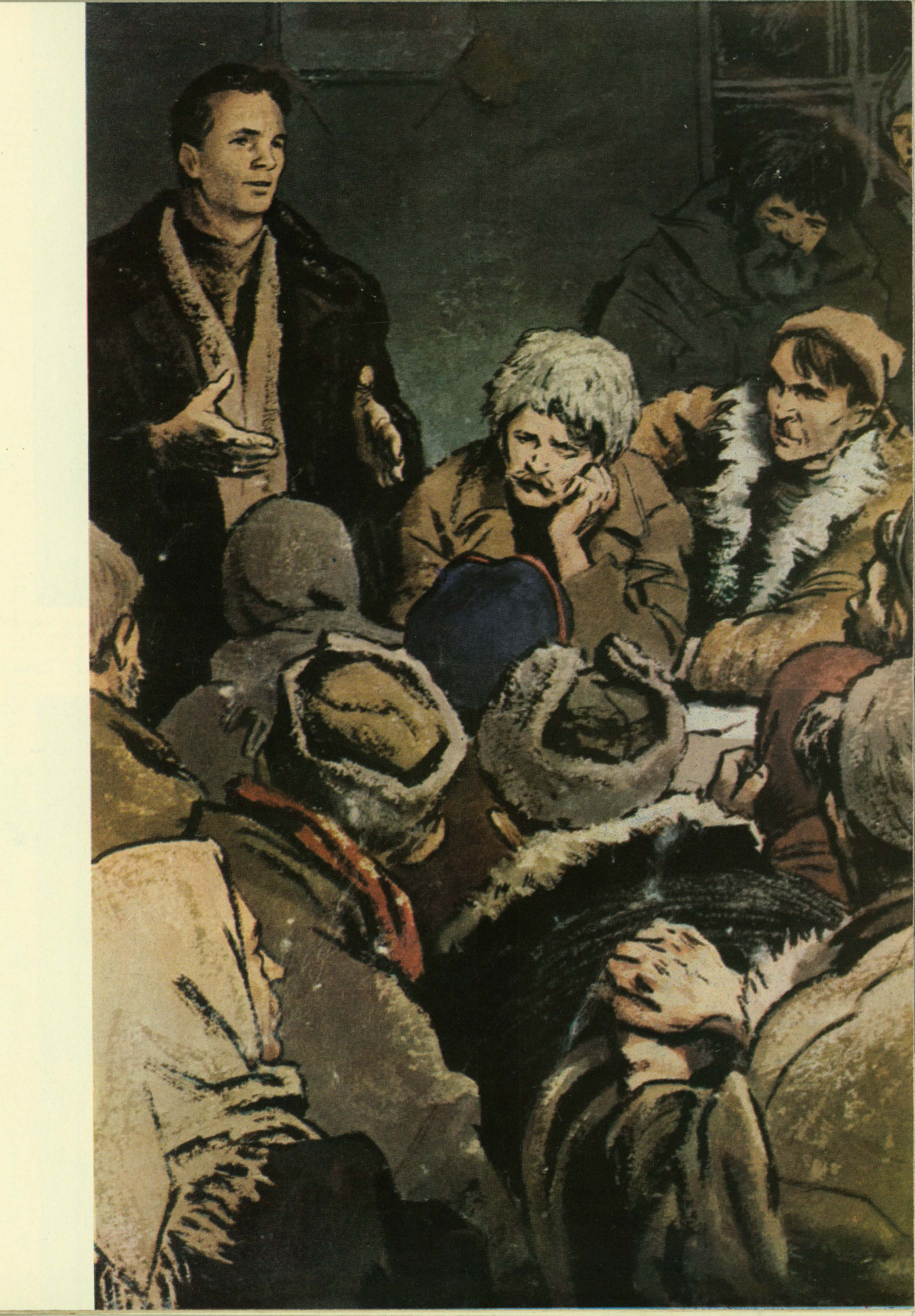
Фото Н. Козловского.

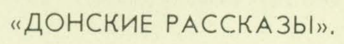

О. Верейский. ИЛЛЮСТРАЦИИ К РОМАНУ МИХАИЛА ШОЛОХОВА «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА».

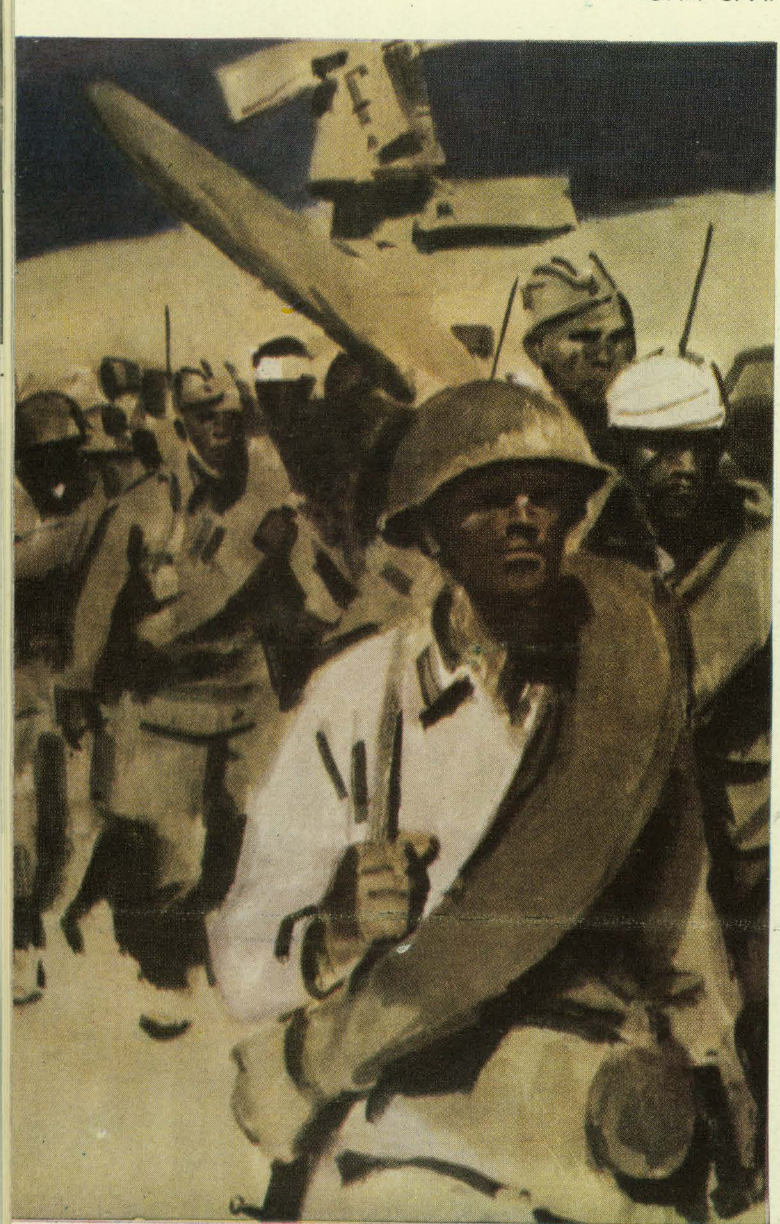

«ДОНСКИЕ РАССКАЗЫ».

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА».

«ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ».

П. Пинкисевич. ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ МИХАИЛА ШОЛОХОВА

ли врач Владимир Трофимович Карноушенко и секретарь Шолохова Андрей Афанасьевич Зимовнов.

— Прочитал статью Айрумяна. Хорошая статья,— сказал Михаил Александрович.— В ней все правда. Все правда.

В 8-й том Шолохов включил телеграмму, посланную им А. С. Серафимовичу в 1948 году в связи с его 85-летним юбилеем: «Дорогой Александр Серафимович! По-сыновьи крепко обнимаю Вас. Как и миллионы Ваших читателей, всегда думаю о Вашей жизни с любовью, теплотой, благодарностью».

Несколько лет назад я был в бывшей станице Усть-Медведицкой, ныне городе Серафимовиче. Оттуда позвонил Шолохову. «Приезжай,— сказал тогда он мне.— Это же рядом». «Я не один, со мной будут секретарь горкома и председатель горисполкома». «Вам повезло, в Хопре поймали немного стерляди. Приглашаю всех на обед». А потом, за дружеским столом, допытывался, как земляки Серафимовича чтут память писателя, а заодно и смотрят за благоустройством города. С памятью, судя по ответам гостей, дело обстояло благополучно, а вот с благоустройством было неважно. Думается, что Шолохов знал об этом, так как по давней своей привычке не читать нравоучений все же, прощаясь с гостями, сказал: «Город носит имя Серафимовича, так что не только за библиотекой смотреть хорошо бы, но и за всем городом. Александр Серафимович был замечательный человек и прекрасный писатель. Он достоин полного уважения».

Все это и вспомнилось утром в саду, где тихий ветерок, тянувший из-за Дона, покачивал белый цвет на деревьях.

— Ты был в Казахстане? — спросил Шолохов, когда мы уселись за широкий, всегда гостеприимный стол.

— Да, Михаил Александрович, в Алма-Ате. И привез оттуда множество приветов.

— Я сравнительно давно был в Алма-Ате... В ту пору он еще не так бурно строился. Но и тогда город был очень красив.

— Сейчас Алма-Ата удивительно хорошеет, идет большое строительство. Причем строят с большим вкусом.

— Хорошая земля. Я очень любил бывать в Казахстане, отличные люди там. В «Огоньке» будете писать об Алма-Ате?

— Конечно.

— Правильно. О хороших людях всегда надо рассказывать.

— А вот мы только что выпустили,— Козловский протянул Шолохову свежий номер «Огонька»,— журнал, посвященный 30-летию освобождения Чехословакии. Здесь тоже о хороших людях.

Михаил Александрович перелистывал журнал, с интересом рассматривая фотографии, на которых были засняты Прага и другие города Чехословакии. Взгляд Шолохова остановился на странице, где печаталось продолжение романа «Берег».

— С интересом читаю Бондарева,— сказал Шолохов.— Хорошо пишет.

— Я тоже читаю. Глубокая книга,— проговорила Мария Петровна.

И я вспомнил разговор двухгодичной давности, когда Шолохов за этим же столом произносил слова одобрения по поводу романа Бондарева «Горячий снег».

— Михаил Александрович, в газетном отчете о встрече с киногруппой, снимавшей «Они сражались за Родину», было написано, что вы собираетесь продолжить работу...

— Да, мы говорили с Бондарчуком об этом... Речь идет о продолжении романа. Пройдет юбилей — вплотную займусь романом. Все время думаю о нем...

Мы поднялись на балкон второго этажа, откуда был виден Дон и вся в цветущих садах станица. Года два-три назад таким же весенним утром Козловский сделал снимок Шолохова на этом балконе. Что-то значительное было в том снимке. Дон, тихий Дон, его берега, деревья и кустарники, но еще голые, без листьев, лежали тогда перед Михаилом Александровичем. Сейчас был тоже апрель, самый конец апреля, но все уже здесь шумело весной. Все было совсем в ином качестве.

— Да,— задумчиво произнес Шолохов,— на три недели раньше расцвели в этом году сады.

Здесь же, на балконе, работали стройные девчата и юноши, шпаклевали и красили дом. В карманах комбинезонов у девчат виднелись веточки сирени. Скромно стоя в сторонке, они молча смотрели на Михаила Александровича.

— Ну, не будем их смущать,— сказал Шолохов, и мы прошли в небольшую комнату, где он работает и отдыхает.

— Как сын? — вдруг спросил Козловского Михаил Александрович.

— Осталось тринадцать лет до того срока, когда он будет читать «Тихий Дон», надписанный вами.

Шолохов улыбнулся.

— Память у тебя хорошая.

Три года назад Михаил Александрович надписал одну из книг маленькому сыну Козловского. «Николаю Николаевичу Козловскому-младшему. Автограф в будущее. Читать через 16 лет. Обнимаю, желаю счастья. М. Шолохов. 9. IV. 1972. Вешенская».

— Ну, а теперь пошли на природу,— сказал Шолохов, и мы снова спустились на широкий двор, где высоко шумели молодые тополя и дубки.

— Это все Миша сажал, сын Миша,— тепло проговорила Мария Петровна, смотря на рослые зеленые дубки, окружавшие дом,— пятнадцать лет назад сын посадил их, и вон они какие. Он так любит все это... Все живое любит.

И снова мы прощались с Марией Петровной и Михаилом Александровичем, все у того же широкого крыльца, у тех же стершихся ступенек. Они тепло улыбались нам вслед.

А еще через час над зеленым полем базковского аэродрома появилась желтокрылая «Морава», коротко пробежала по полю и остановилась возле нас. На траву спустился летчик Акопов.

— Можно лететь? — спросил он почти по-военному.

Да, лететь было можно. Лететь с каким-то особым, щемящим чувством радости от этих двух неторопливых и немногословных встреч в доме Михаила Александровича. Все последние годы, каждую весну, мы встречались с ним здесь, на его родной земле, на земле, которая, как мать, питала своего верного сына, давая ему силу и прозорливость, вдохновляла и направляла его талант на новые свершения.

Еще раз, уже сверху, мы увидели цветущие сады Вешенской, песчаные и крутые берега Дона, его излучины и повороты, а затем самолет пошел над полями и оврагами, садами и колхозными фермами, над всей этой щедрой, поющей, весенней донской землей.

Апрель — май 1975 года.

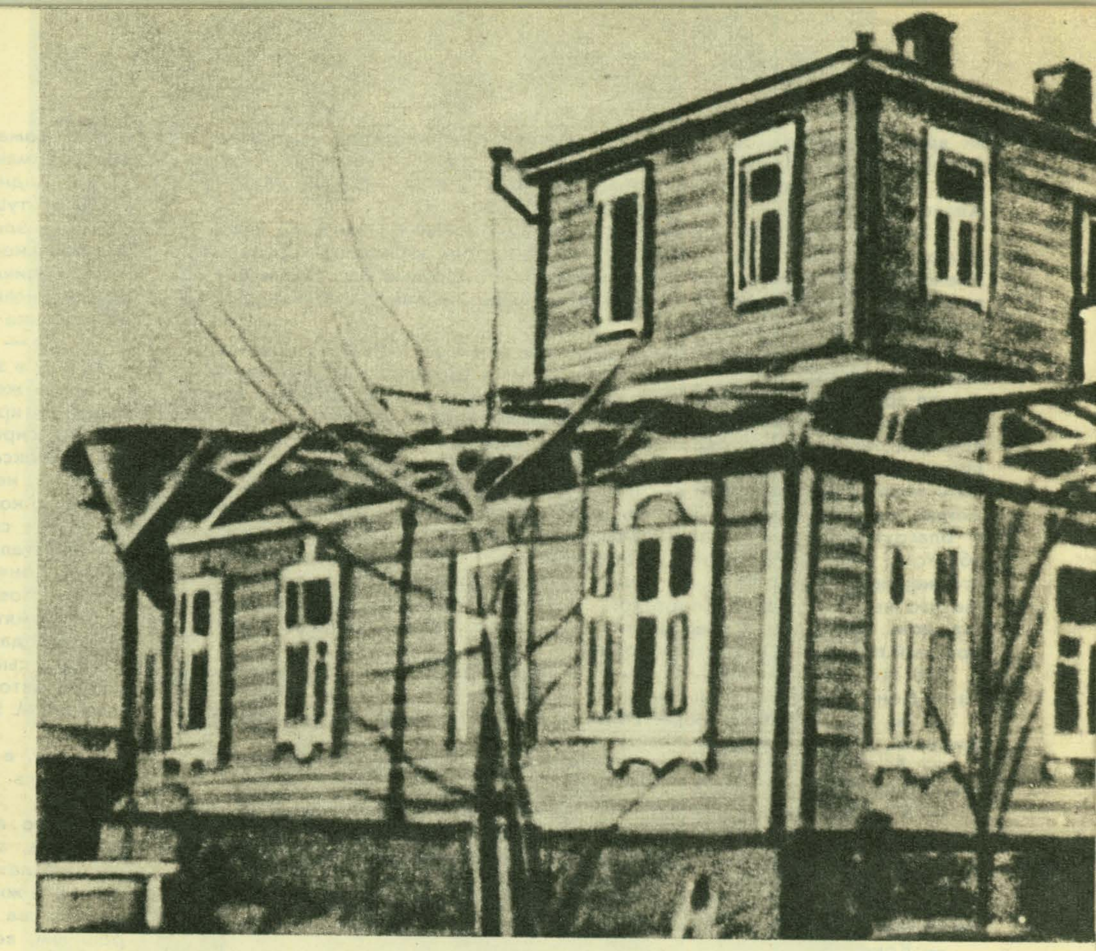
Снимки сделаны 26 — 27 апреля 1975 года.

Донская весна.

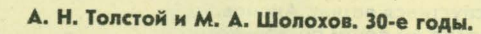

Михаилу Шолохову — 20 лет.

Июль 1942 года, Вешенская. Дом Шолоховых, разрушенный гитлеровцами.

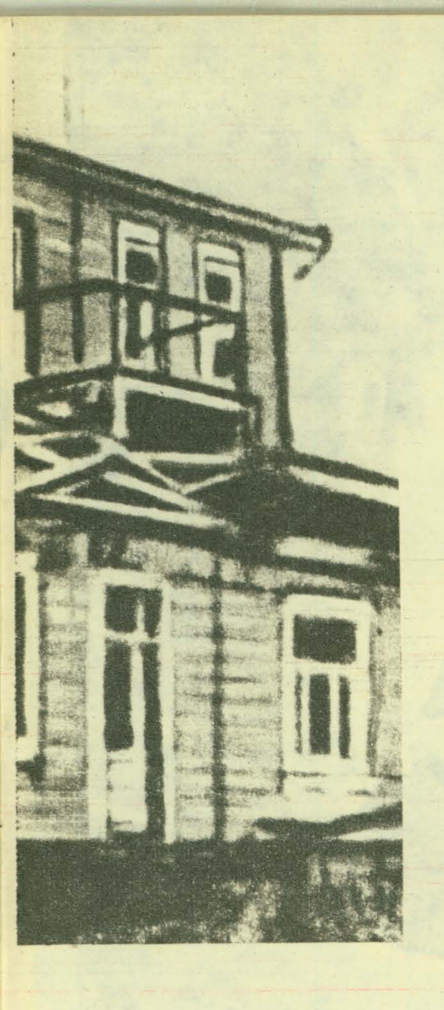

А. Н. Толстой и М. А. Шолохов. 30-е годы.

М. А. Шолохов, военный корреспондент «Правды». 1941 год.

МИХАИЛ Ш

Михаил Шолохов. [Послевоенный снимок].

ОЛОХОВ

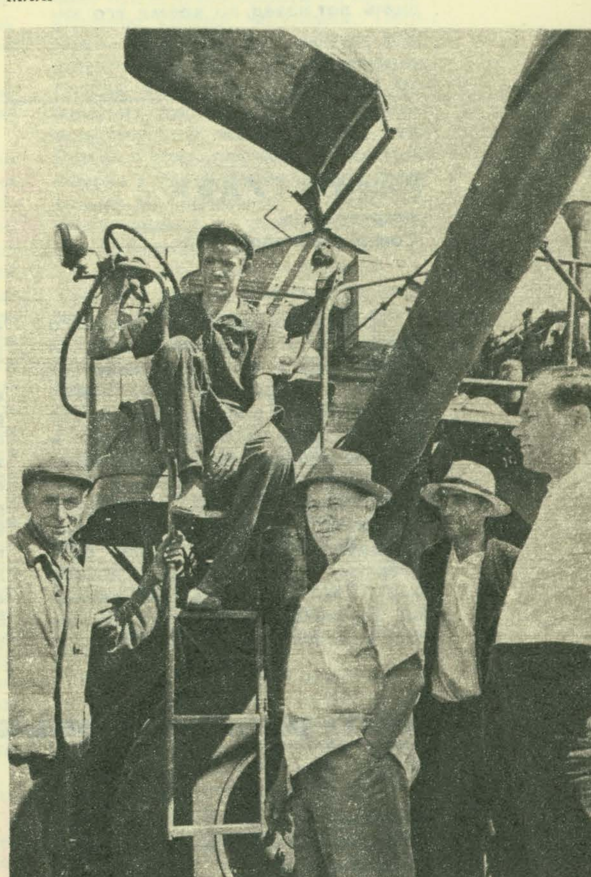
М. А. Шолохов среди земляков.

Михаил Александрович с внуком Андрюшей. ▶

Фото Н. Кочнева.

1965 год, Стокгольм. Вручение М. А. Шолохову Нобелевской премии.

Писатель — частый гость хлеборобов.

М. А. Шолохов и первый секретарь Вешенского райкома КПСС Н. А. Булавин.

Фото Н. Козловского.

Мартти ЛАРНИ

ЧЕЛОВЕК И ПИСАТЕЛЬ

Нисколько не умаляя значения деятельности дипломатов, я все же скажу, что хорошие писатели являются наилучшими культурными посланниками своих стран.

Писатель Михаил Шолохов — это выдающийся посол культуры Советского Союза, аккредитованный одновременно во всех странах мира. Миллионы читателей земного шара смогли при его посредничестве познакомиться с бурным, переломным периодом истории России 1912—1922 годов, как его переживало донское казачество. Другой внушительный исторический документ Шолохова повествует о времени, когда на Дону происходила коллективизация и с большим трудом преодолевался извечный частнособственнический образ мышления.

Что же за человек Михаил Шолохов, создавший столь значительные и уникальные произведения?

Я познакомился с ним шестнадцать лет назад, во время его визита в Хельсинки. С тех пор мы встречались много раз и подолгу беседовали, сидя за одним столом, то у нас в Хельсинки, то у него на родине. Но все же с Шолоховым-писателем я познакомился гораздо раньше, сразу же после окончания войны, когда его произведения впервые были переведены на финский язык, и тогда как бы из-за текста этих романов для меня стал вырисовываться облик эпического писателя огромной силы и обаяния. Михаил Шолохов не отшельник, погруженный в самосозерцание, а человек многосторонней деятельности, живущий среди народа и активно влияющий на всю жизнь страны. Недаром он депутат Верховного Совета СССР. Он любит и хорошо понимает людей, поэтому он постоянно чувствует пульс истории.

Будь я репортером западной бульварной прессы, я бы, разумеется, изобразил Шолохова в соответствии с общепринятой у них схемой. Ладно скроенный казак, с голубыми глазами, с седой щеточкой усов, на лоб спадает непокорный вихор, женат на милой, заботливой женщине, отец четырех детей, постоянно живет у себя на Дону в станице Вешенской, увлекается рыбной ловлей и охотой, заядлый курильщик, а по профессии писатель и садовод...

Конечно, и такой схематичный портрет, сделанный несколькими штрихами, может передать сходство и не слишком грешить против правды. Но такое изображение поверхностно, оно не передает сущности, духовного строя человека.

Шолохов—незабываемый собеседник, очень живой, непосредственный, острый полемист, поражающий точностью определений, всегда готовый в кругу друзей вести словесные турниры с юношеским задором и тонким юмором. Он стойкий патриот, искренний защитник идеи мира. Он даже в малом никогда не предаст Родины, за которую сражался, и не унизится до того, чтобы чернить добытые в суровой борьбе социальные и культурные ценности. Хотя он описывал ужасы войны, он делал это не ради эффекта, не ради прославления войны и насилий, но ради правды, к которой он всегда стремился как реалист. Он показал горечь и бедствия войны без прикрас, видя в войне тяжкое проклятие человечества. Однако защита с оружием в руках своей Родины, своего дома диктуется естественным инстинктом самосохранения — и это чувство Шолохов выразил с исключительной силой.

Обычно чувствительность приписывается лирикам, но я видел, каким чувствительным и эмоциональным может быть суровый реалист. Глубокое волнение отражается на его лице, на его глазах навертываются слезы. Потрясающие события военных дней, отдельные человеческие судьбы вызывают перед его внутренним взором безутешную ленту картин памяти, пробегая которую Михаил Александрович умолкает, и в уголках его глаз появляется влага. Он не скрывает чувств от близких друзей, которые понима-

---

Лодонгин ТУДЭВ,
председатель
Союза писателей МНР

ЗНАМЕНОСЕЦ

Героические деяния советского народа и его духовная красота отражаются в чистом зеркале советской литературы. Она несет людям Земли величественные образы борцов за новую жизнь и революционизирующую, интернациональную идею, которой они вооружены. Чапаев, Левинсон, Корчагин, Давыдов, Нагульнов, Кошевой, Мересьев стали бессмертными глашатаями нового мира. Они сделались постоянными спутниками всех честных людей в великой семье человечества. Без них жить, творить и бороться уже невозможно.

Вот шолоховский Давыдов. Если в тридцатые годы ленинградский рабочий Семен Давыдов приехал по путевке партии в донские степи, то в 50-е годы шолоховский герой Семен Давыдов приехал по путевке автора «Поднятой целины» в монгольские степи. Тогда по всей нашей стране развернулось кооперативное движение в общегосударственном масштабе. Единоличная Монголия в мучительных схватках прощалась с миром собственников. Много сотен коммунистов командируется по путевке партии в отдаленные уголки страны. Большинство из них захватили с собой и книгу Михаила Шолохова «Поднятая целина».

Один из старейших монгольских писателей, Цэндэйн Дамдинсурэн, вспоминал о том впечатлении, какое произвела на него «Поднятая целина» еще в 30-е годы: «Мы то радовались и ликовали, то сокрушались и печалились». Вот именно при чтении книг Михаила Шолохова мы, читатели, то радуемся, то печалимся, наши сердца, не зная покоя и равнодушия, бьются между двумя полюсами человеческой эмоции — между слезами и смехом.

Герои Шолохова с одинаковой силой воздействуют на умы не только европейца, но и человека Востока. Монголы, например, гордятся тем, что они заняли одно из первых мест в интернациональной аудитории читателей советской литературы. Михаил Шолохов уже в конце тридцатых годов вошел в нашу школьную хрестоматию.

Каждый монгол неразлучно дружит с героями «Тихого Дона», «Поднятой целины». Полвека назад Максим Горький в своем пись-

---

интервью «Огонька»

Анхель АУХИЕР,
член исполкома и председатель
секции литературы
Союза писателей
и деятелей культуры Кубы

ДОСТОВЕРНОСТЬ

ВОПРОС. Что означает для вас, поэта и писателя, встреча с творчеством М. А. Шолохова?

ОТВЕТ. Для читателя, знакомого с классиками русской и советской литературы, творчество Шолохова — еще одна встреча с лучшими традициями русского реализма. В его книгах эти традиции обогащаются могучим новаторством и новые соки заставляют пышно расцвести ветви многолетнего дерева.

Знаменитая эпопея Шолохова «Тихий Дон» доставляет мне наслаждение. Писатель показывает необъятную страну, исхлестанную бурей войны, ввергнутую в водоворот революции, и ему удается развернуть широкую панораму истории на фоне его родного донского края.

Да, это его родная земля во всей ее подлинности и достоверности, и главное для писателя показать народ, людей, с которыми он живет бок о бок со дня рождения. Постепенно перед читателем раскрывается внутренний мир этих людей, а также их быт, традиции. Вместе с героями Шолохова мы переживаем их несчастья и радости, с волнением следим за их борьбой. Перелистывая страницы романа, видишь красоту степи, слышишь ее тишину. А разве забудешь еще одно главное действующее лицо романа — Дон?

Михаил Шолохов совершает подвиг, который под силу только выдающемуся творцу: от национального, самобытного повествования писатель подымается к проблемам всеобъемлющим и всеохватывающим. Мужество и нежность героев романа «Тихий Дон» близки и понятны каждому. Самопожертвование и героизм, которые они проявляют в борьбе за справедливость, духовно роднят шолоховских героев с теми, кто сегодня ведет эту борьбу в других странах мира.

ВОПРОС. Чем, по-вашему, привлекает кубинского читателя творчество Шолохова?

ОТВЕТ. На мой взгляд, помимо мастерства писателя, наших читателей привлекает прежде всего изображение революции. Ее первого этапа — вооруженной борьбы и последующего — начала строительства социализма.

Конечно, нельзя сравнивать Октябрьскую социалистическую ре-

ют его. Он многое, многое пережил на своем веку, пережил вдвойне: как солдат и как поэт. Он живая часть своего народа, наделенный обостренно тонкой чувствительностью исследователь и толкователь человеческой души, который всегда стремится понять и лишь по необходимости осуждает.

Но вот уже через минуту он становится светлым оптимистом, который никогда не теряет веры в человечность и в лучшее будущее человечества. Рассказывая гостям о видах на хороший урожай в стране, о замечательных достижениях науки и техники и об улучшении условий жизни народа, он улыбается широко и открыто, и в глазах его играют солнечные лучики. Затем он снова меняет тему и начинает с блеском рассказывать что-нибудь уморительно-смешное, добавляя по мере надобности к сочному юмору щепотку сатирической соли.

Тридцать лет тому назад, когда я прочел «Тихий Дон» и «Поднятую целину» (в то время у нас в Финляндии это были новые, никому не известные книги), я испытал в полном смысле этого слова счастье первооткрывателя. Рядом с Достоевским, Толстым, Тургеневым и Горьким вдруг появился этот самобытный, громадный писатель, заставивший меня заново переоценить всю русскую литературу.

Что же меня тогда так поразило, взволновало и увлекло в его романах? Может быть, богатство их народно-поэтического строя, горячее стремление к социальной справедливости, гуманизм и человечность, а также теплый юмор. Его персонажи — совершенно живые люди с присущими им добродетелями и пороками. Писатель исключительно умело пользуется народным просторечием, но он при этом никогда не сбивается на вульгарную грубость и так называемый «дурно пахнущий натурализм». В Шолохове поражает безошибочное чувство стиля и высокой нравственной ответственности.

Теперь, когда Михаилу Шолохову исполняется семьдесят лет и его юбилей широко отмечается всем читающим миром, он имеет возможность лишний раз почувствовать, сколько благодарных читателей и верных друзей во всех концах света думают о нем, желают ему счастья и неиссякаемых творческих сил.

Хельсинки.

ме о монгольской литературе завещал нашим писателям миссию «проповеди принципа активности». И в нынешнем году мы решили отметить одновременно две замечательные даты: 70-летие со дня рождения Михаила Шолохова, в творчестве которого принцип активного отношения к жизни получил дальнейшее развитие, и 50-летие исторического письма Максима Горького.

А вот пример любви к книгам Шолохова среди наших вьетнамских друзей. «Поднятая целина» распространялась в рукописях среди вьетнамских бойцов. Однажды после ожесточенного боя усталые бойцы, возвратившись в укрытие, узнали, что пропал драгоценный рукописный экземпляр книги «Поднятая целина». Несмотря на смертельную усталость, они решили совершить вторичный налет на врага, во что бы то ни стало вернуть дорогую книгу. Храбрые воины большой ценой добились своего.

Рожденное в гуще народной, художественное слово непременно опять возвращается в жизнь и начинает жить самостоятельно. Доказательством этого служит творчество Михаила Шолохова — знаменосца советской литературы. Его книги «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину» сражаются на всех фронтах духовного обновления человечества.

Улан-Батор.

волюцию с революцией на Кубе, но бойцы Сьерра-Маэстры и Плайя-Хирон,— все те, кто сражался с бандитами в Эскамбрайе, находят в «Тихом Доне» немало ситуаций, схожих с теми, которые они пережили.

Нашим читателям также близки герои «Поднятой целины», где воспевается трудовой героизм людей, которые решили построить новое, социалистическое общество, не отступая перед трудностями в борьбе с теми, кто еще упорно сопротивлялся будущему. Ведь в этом романе многие кубинцы, участники такого же революционного процесса в нашей стране, узнают себя и свои переживания!

Победа революции 1959 года и установление отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами позволили кубинцам более широко и глубоко познакомиться с советской литературой. Несомненно, что в новых произведениях кубинских авторов ощущается влияние советских писателей, и Шолохов — один из них. Несколько лет назад у нас был издан большим тиражом роман «Тихий Дон». Потом появилась «Поднятая целина». Совсем недавно в массовой популярной серии «Уракан» были изданы «Донские рассказы». Можно без преувеличения сказать, что Шолохов является одним из самых читаемых кубинским народом авторов. Поэтому, отмечая 70-летие великого советского писателя, наш народ, совершивший первую социалистическую революцию на американском континенте, присоединяется ко всем тем, кто заслуженно чтит Шолохова, сознавая его значение в мировой литературе.

Агентство Пренса Латина, специально для «Огонька»

Гавана.

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Н. ИВАНОВА

Я ждала этой встречи. Еще задолго до поездки в Будапешт друзья советовали непременно повстречаться с Имре Макаи: «Его знают в Венгрии буквально все, кто интересуется нашей литературой!»

В Будапеште еще гремели раскаты орудийных выстрелов, когда Имре Макаи сел переводить «Детство» Горького для первого в освобожденной Венгрии самоучителя русского языка. Вот уже тридцать лет он переводит с русского на венгерский Пушкина, Толстого, Чехова, Достоевского, Островского, Горького, Тренева, Шолохова.

— Может быть, это трудный вопрос, но все-таки кто из них вам ближе?

— Шолохов! Говорят, настоящая любовь приходит раз в жизни. Остальное — увлечение. Вот и переводчик увлекается то одним писателем, то другим, но по-настоящему свое сердце отдаешь одному, и для меня это Михаил Шолохов.

Я спросила моего собеседника, как и когда он с ним познакомился.

— Честно сказать, это было странное знакомство,— ответил он.— Произошло это на единственной улице в нашем городке. Фамилию «Солохов» я услышал именно здесь, возвращаясь домой из гимназии. Двое студентов, шедших впереди меня, громко и возбужденно обсуждали только что появившийся первый том «Тихого Дона». Я тут же помчался в местную библиотеку, заказал таинственного «Солохова». Получил книгу, залпом прочитал и... влюбился в смелых казаков, которых, как мне показалось, я хорошо знал и прежде. Родом я из тех краев, где прежде жили гайдуки. Полукрестьяне, полусолдаты, они судьбой своей напоминали судьбу казаков. Вольнолюбивые и смелые, гайдуки оставили о себе легенды и песни, которые я распевал, когда пастушонком бродил по родным полям. Наверное, здесь ответ, отчего мне, крестьянскому сыну, так близок по сердцу и мыслям мир героев Шолохова.

Имре Макаи помолчал, что-то припомнив, улыбнулся.

— Вот ведь как бывает. Все эти годы я много раз переводил Шолохова. Уже в восьмой раз вышел в Венгрии его «Тихий Дон». Переиздавались в моем переводе «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека» и том рассказов «Чужая кровь», но с самим Михаилом Александровичем мне все не приходилось встречаться. Тринадцать лет тому назад я приехал в Вешенскую, чтобы увидеть наконец этот удивительный шолоховский мир собственными глазами. Прожил там три недели, но как раз тогда писатель был в отъезде, в Ростове. Поехал я в Ростов, и оказалось: только час назад Шолохов воротился домой. Прошло три года, и вдруг я узнаю: он в Будапеште. День его шестидесятилетия мы отметили вместе. Он удивил меня, когда мы сели за стол: «О литературе ни слова и о Шолохове сегодня тоже молчок...» «Тогда о чем же будем говорить, Михаил Александрович?» «О Венгрии, о вашей прекрасной стране!»

Трудно ли это — переводить Шолохова? Еще не задав этого вопроса, мне казалось, я уже знаю ответ: «Трудно».

Имре Макаи рассказал мне, что в процессе работы он прожил мысленно жизнь всех шолоховских героев. Наконец пришел день, когда он отдал готовую рукопись в издательство и... навсегда остался в мире Шолохова.

— Вы сказали, «Тихий Дон» в Венгрии издан уже в восьмой раз. Приходится ли вам при этом что-то поправлять в своем переводе?

— Да, приходится. Шолоховская проза сложна, и работать над ней чрезвычайно интересно: все время открываешь еще один новый языковой пласт. Обычно переводчику приходится пройти по произведению «тремя кругами». Первый — когда узнаешь сюжет, второй — когда постигаешь литературную языковую интонацию автора, и третий — когда чувствуешь, что твоя, живая кровь уже бьется в этих строчках и заветный «ключ» в твоей руке. Теперь дело только во времени, и тогда ты прочитываешь с этим «ключом» все произведения.

— Что это значит — «ключ»?

— Это значит, что ты уже «вылез из собственной кожи» и «влез в кожу героев». Это самое трудное время работы переводчика. Ищешь неделями и месяцами нужное слово, и тут возникает соблазн: а не сказать ли, как я думаю сам? Уступить себе — значит уйти от автора. У Шолохова в его богатом интонациями, подлинно народном языке встречаются непонятные нашим читателям слова — «завалинка», «зипун», «буерак». Найдите им не точную, а приблизительную замену в венгерском языке — и это уже не будет настоящий Шолохов.

Много раз слышала я в Венгрии о том, что Шолохов — один из самых любимых и популярных советских писателей. Последнее издание «Тихого Дона» тиражом 180 тысяч разошлось нарасхват. Я спрашиваю моего собеседника, чем объяснить растущий здесь из года в год интерес читателей Венгрии к творчеству писателя.

— Прежде всего мир героев его книг очень близок венграм. Помню, как у нас в дни коллективизации люди искали и находили ответ на свои «больные вопросы» в «Поднятой целине». А его Соколов из «Судьбы человека»? Разве не такие, как он, пришли в сорок пятом в наши села и города и принесли свободу! Недавно мой сын-восьмиклассник показал мне школьную хрестоматию: «Посмотри, мы начали изучать «Судьбу человека»! Полистав учебник, я нашел рассказ, который перевел несколько лет назад, и вспомнил городок, на улице которого услыхал я впервые о Шолохове. Было мне тогда почти столько, сколько сегодня моему сыну.

Будапешт.

Анатолий ГРИЦЕНКО

УТРО...

Там, где Дон упирается в кручи,
Уходя за крутой поворот,
За тесовой калиткой скрипучей
Автор «Тихого Дона» живет.
Просыпается рано-прерано.
Кроны кленов, как копны, кругом.
И плывет на зарю сквозь туманы
Тишиной убаюканный дом.

Что-то нынче не пишется.
Грустно...
Не идет на бумагу строка.
И ломается веточка с хрустом
Под крутым каблуком сапога.
Двор пустынен.
Большими шагами
Ходит вдоль по нему человек,
Что своими земными делами
Возвеличил стремительный век.
И, как тени, идут за плечами,
Неразлучные с ним ни на миг,
Те, кого создавал он ночами
На страницах зачитанных книг.

...Утром ягоды спелых черешен
Тяжелеют в зеленых ветвях.
Оживает десяток скворечен
На высоких жердинах-шестах.
Ах, скворцы! Полюбилось с рожденья
Казачонку с льняной головой
Их простое, домашнее пенье
И волнует, как давней порой.
Запрокинет он голову, глядя
На поющую грудку скворца,
И плечом прислонится к ограде,
Чтоб пернатого слушать певца.

И наденет высокие бродни
И пойдет, ускоряя все шаг.
Он решил порыбалить сегодня
В так знакомых с детства местах.
А заря разгорается пуще,
Росной свежестью дышит трава,
И курятся на пойме под кручей
Зоревым молоком дерева.
По тропинке навстречу рассвету
Он спускается к сонной реке,
Улыбаясь и утру и лету,
Оставляет следы на песке.

ХЛЕБОРОБ

Нет почетней труда хлебороба,
И хвала моя нынче — ему.
Ведь его пропыленная роба
Мне с рожденья дана самому.

По глухим пустырям и уклонам,
Не жалея ладоней и спин,
Мои деды пахали над Доном
Вековые клины десятин.

По наследству достались мозоли
Мне от грабель, от вил и чапиг.
Я родное пшеничное поле
За штурвалом комбайна постиг.

И, когда под небесною крышей
Хлеб большой убирает страна,
Мощь ее неизбывную вижу
В полновесном наливе зерна.

• • •

Как пахнут апрельские травы,
Омытые теплым дождем!..
Луга, перелески, канавы
Зеленым объяты огнем.
Вглядись в полевое растенье
И в листьях обычных его
Увидишь природы творенье,
Земли молодой волшебство.
Сорви одуванчик, он брызнет
На пальцы густым молоком —
Той светлою каплею жизни,
С которой ты с детства знаком...

Рассветной пронзительной ранью
Кусты придорожные тронь —
Осмысленно это дыханье,
Осмыслен зеленый огонь.
Незримому сердцу природы
Послушно гуденье шмелей,
Дрожанье росинок на всходах
И бравая стать тополей,
И если ты с детства приучен
Считать все земное родным,
Язык его будет созвучен
Поступкам и мыслям твоим.

СТЕПЬ

Пылит под башмаками
Моя родная степь,
Метущая снегами,
Рожающая хлеб.
Горит закат.
Курганы,
Как острова, вдали.
Белесые туманы
По балкам залегли.
Бреду я вдаль.
Навстречу
В рубахе голубой
Идет прохладный вечер
Некошеной травой.
Сверчковой тишиною
Задумчиво звеня,
Садится он со мною
Над речкой у огня.
Пшеничное раздолье

Кладет у самых ног
И звезды крупной солью
Роняет в котелок.
Сазаньими боками
Качает камыши,
Кричит перепелами
В неистовой тиши...

И ничего не надо.
Стояла б до утра
Зеленая прохлада
Над гривою костра.
Пылила б под ногами
Моя родная степь,
Метущая снегами,
Рожающая хлеб.

Ростов-на-Дону.

ОБХОДЯ МОРЯ И ЗЕМЛИ...

«Нет, пожалуй, ни одного, даже самого глухого уголка на земле, где не знали бы произведений Михаила Шолохова...»

Но есть на нашей земле сторона, которая по праву относится к Михаилу Шолохову с материнской нежностью, с трогательной любовью и великой гордостью. Это донская земля.

Гордости, любви и уважения преисполнены и страницы вышедшей в преддверии юбилея выдающегося советского писателя книги «Наш Шолохов (Слово о великом земляке)». Написана она людьми разных профессий: писателями, журналистами, партийными работниками, литературоведами. Всех их роднит близость к донскому краю, взрастившему необыкновенный шолоховский талант, всем им довелось быть знакомыми с Михаилом Александровичем.

«От «Донских рассказов» к «Тихому Дону» — так назвал Анатолий Калинин свои заметки, в которых проследил первые шаги Шолохова в литературе, первые, но столь мощные и обещающие: «Как бы промелькнет по страницам раннего Шолохова отблеск того, совсем юного Григория, который еще не заблудился на дорогах сурового лихолетья».

Пройдет пятнадцать лет, М. А. Шолохов станет автором грандиозной тетралогии «Тихий Дон», глубокого социального полотна «Поднятой целины». С высоты настоящего дня величие этих свершений писателя раскрывается все рельефнее, полнее. Как пишет член-корреспондент АН СССР Юрий Жданов, «могучий дух нашего народа создал единый становой хребет русского романа, в котором немеркнущим светом сияют три высочайшие вершины: Толстой, Достоевский и Шолохов».

О большой общественной деятельности М. А. Шолохова, об его неразрывной связи с народной жизнью, в которой он черпает животворящие истоки своего творчества, о постоянной заботе, внимании писателя к нуждам земляков пишут в книге секретарь Ростовского обкома КПСС М. Тесля, знатоки и всеведы донской стороны, ростовские писатели А. Бахарев и А. Суичмезов, первый секретарь Вешенского райкома партии Н. Булавин.

И. Плиев, генерал армии, дважды Герой Советского Союза, рассказывает о днях, проведенных писателем среди воинов-северокавказцев в мирное время, о пути, пройденном Шолоховым в годы Великой Отечественной. Значительны и интересны воспоминания П. Лугового о начале работы Михаила Александровича над «Поднятой целиной», рассказы М. Андриасова и М. Никулина о могучем воздействии шолоховских произведений, об обаянии личности нашего знаменитого современника.

Словами Виталия Закруткина из книги «Наш Шолохов» начав свой разговор, завершим его, продолжив мысль писателя:

«...На всех континентах планеты люди читают его книги. Это книги-борцы. Обходя, как сказал когда-то гениальнейший русский поэт, моря и земли, они учат и всегда будут учить добру, вселяют веру в человеческий разум, в нравственную чистоту человека. Они сражаются и всегда будут сражаться против всяческого зла, угнетения, неправды. Они призывают людей к миру и счастью...»

Д. ИВАНОВ

Наш Шолохов. Редактор-составитель А. М. Суичмезов. Ростовское кн. изд-во, 1975, 184 стр.

Константин ПРИЙМА

«ТИХИЙ ДОН» В АРАБСКОМ МИРЕ

В 30-е и 40-е годы проникновение произведений советских писателей, и в частности книг М. А. Шолохова, в страны арабского мира было сопряжено с колоссальными трудностями. В те годы произведения советских авторов здесь вообще не издавались и могли попасть сюда лишь в переводах, на английском или французском. Но и они были под тройным запретом.

Достаточно точно охарактеризовал сложившееся тогда положение известный египетский писатель и литературовед Абдель-Муним Субхи. В своей книге «От Дона к Нобелевской премии» Субхи писал: «Если ознакомиться с перечнем книг, выпущенных нашими издательствами (посвященных различным писателям мира), то этот список будет весьма значительным. И покажется очень странным, что книг Михаила Шолохова и о нем в этом списке нет» (за исключением «Тихого Дона», переведенного с английского издания, выпущенного издательством «Путнам»). Причина этой сдержанности к советскому классику таилась в том, пишет далее Абдель-Муним Субхи, что «Шолохов является родоначальником социалистического реализма», который «долгое время встречал ожесточенное сопротивление со стороны Запада».

В арабской прессе Ближнего Востока первая статья о Шолохове появилась в середине тридцатых годов. Как пишет мне член ЦК Ливанской компартии товарищ Хусейн Мруа, он впервые услышал имя Шолохова в Багдаде в 1936 году в редакции журнала «Аль-Маджалла», где печаталась крупная статья о «Поднятой целине».

Значительно позже, в мае 1943 года, в Бейруте, в журнале Антифашистской лиги Сирии и Ливана «Ат-Тарик» появилась первая публикация на арабском языке одного из произведений Шолохова — рассказа «Наука ненависти». Предваряя рассказ, редакция журнала аттестует Шолохова как «известного русского романиста, депутата Верховного Совета СССР и воина Красной Армии», который своим служением народу «оружием слова и оружием огня» в борьбе против фашизма может быть примером для арабов.

В 1945 году, публикуя статью, посвященную 40-летию М. А. Шолохова (с его портретом в форме полковника Советской Армии), редакция «Ат-Тарик» снова проводит мысль о том, что писатель должен быть всегда с народом, на переднем крае битвы. Подчеркивая, что Шолохов с юности сражался за народное дело, редакция вновь обращает внимание арабских литераторов на то, что высший писательский долг есть служение революции. Как видим, редакция журнала «Ат-Тарик» уже тогда настойчиво и систематически использовала патриотическое слово Шолохова как призыв к арабам на борьбу за национальное раскрепощение от иностранного гнета. Потому-то колонизаторы так ненавидели книги Шолохова и всячески препятствовали их распространению в Азии, Африке, Латинской Америке да и у себя в метрополиях.

Наперекор всему книги Шолохова проникали в арабский мир на французском, английском, турецком языках и делали свое великое и гуманное дело. Как это было, мне рассказали в недавней встрече в Москве сами арабские писатели.

Издания книг М. А. Шолохова на арабском языке.

— Многие и многие годы английские колонизаторы, отгородив Ирак от всего мира глухой стеной, держали нас во мраке,— сказал известный иракский писатель Гаиб Туама Фарман.— Мы были лишены подлинной культуры. Цензура иракская и английская душила все. Для нас, заключенных в политические тюрьмы Багдада, Кута, Нукрат-Сулеймана, настоящим счастьем были книги, которые там были... Среди узников в багдадской тюрьме оказалось двое русских солдат. В годы войны они, заблудившись в Иране, пришли в Ирак, а их у нас загнали на многие годы в тюрьму. Это были хорошие русские парни. Они стали быстро учиться арабскому языку, а нас учили русскому. В тюрьме от них я впервые услышал, что в России есть великий писатель Шолохов. Позже, в 1957 году, за пределами Ирака я прочел на английском «Тихий Дон». И хотя он в сокращенном издании, как вы говорите, но для меня это была ценнейшая находка. Я был знаком с творчеством многих европейских писателей-реалистов. Однако реализм «Тихого Дона» был чем-то новым, он отличался от книг, к которым я привык. Реализм Шолохова заставляет читателя видеть жизнь воочию, ощущать своими руками ее пульс, видеть ее во всем многоцветье и в движении. Реализм Шолохова раскрывает душу не только у людей, но и у степей и полей, деревьев и камней, дает нам потрогать их на ощупь, вкусить их аромат, смешаться с ними. И тебя наполняет вся их свежесть. И тебе хочется жить свободной и боевой жизнью...

— А я впервые услышал имя Шолохова,— вступил в беседу Саид Хаурания, сирийский писатель-новеллист, директор Советского культурного центра в Дамаске,— в конце сороковых годов, когда учился в университете. Нам очень хотелось окунуться в советскую литературу, в особенности после великой победы советского народа над фашизмом и после того, как ваши колоссальные достижения разметали по ветру пыль лживой пропаганды, замутившей умы части нашей молодежи. Вот в это время я во французском журнале «Нувель литерер» в 1953 году натknулся на статью Андре Стиля о «Тихом Доне» Шолохова. Для меня это было настоящее открытие Шолохова. Я нашел у друзей французский перевод «Тихого Дона». Меня поразили масштабы романа, богатство и жизненность картин. Но я еще был слаб во французском языке, не улавливал все нюансы, не чувствовал многого в подтексте этого волшебного произведения... И я стал тогда уговаривать моих друзей, свободно владевших французским или английским, чтобы они занялись переводом «Тихого Дона» на арабский. Но никто не ухватился за эту идею. Огромный объем эпопеи Шолохова, опасения издателей насчет этого очень уж «красного» романа, политическая обстановка не благоприятствовали делу. Потребовались еще годы и годы, чтобы наконец «Тихий Дон» появился на арабском языке в Багдаде и Бейруте... Но это произошло уже после присуждения Шолохову Нобелевской премии. И Шолохов стал завоевывать сердца арабских читателей.

— Моя встреча с Шолоховым — это встреча с новой эпохой,— сказал Абу-Бакр Юсеф, литературовед-переводчик из Египта.— Она произошла в 1959 году в Москве, куда я приехал для поступления в МГУ. Я еще не знал ни одной русской буквы и пришел в кинотеатр посмотреть впервые в жизни советский фильм. Как называлась картина, я не знал. Но то, что я увидел на экране — неистовую борьбу русского солдата Андрея с фашистами,— осталось в моей душе на всю жизнь. Впечатление было такое сильное, что я этот фильм — а это была «Судьба человека» — помню до сих пор. Когда мне попала в руки книга «Поднятая целина» на арабском языке, я со всей страстью отдался ее чтению. И понял, что ее автор — великий художник, заставивший меня пережить коллективизацию советской деревни со всеми ее успехами, трудностями и радостями... В конце романа, когда Давыдов и Нагульнов погибают, я почувствовал, что потерял самых дорогих и близких мне друзей... Книга эта была издана в Ираке и, кажется, переведена на арабский с английского. Перевод был прекрасен. Но только позже, овладев русским языком, я оценил все богатство и красоту романа. И я понял, что ни один переводчик не в силах передать всю прелесть, все оттенки замечательной книги Шолохова, неповторимость его ярких и самобытных персонажей.

* * *

Как свидетельствуют арабские прогрессивные писатели, уже в конце 40-х годов в кругах литературной общественности Египта, Ливана и Сирии имя Шолохова было весьма авторитетно. Выдающийся египетский поэт и драма-

тург Абдаррахман аль-Хамиси в беседе со мною 7 июля 1974 года сказал об этом так:

«В литературных спорах Шолохов всегда был вдохновителем наших сердец. Буржуазные идеологи — писатели и критики говорили нам, что «искусство стоит над классами, вне политики и борьбы», а «социалистический реализм сковывает дух писателя, губит искусство». «Но посмотрите, господа, на гения социалистического реализма Шолохова,— отвечали мы своим противникам.— За истекшие 30—40 лет из литературы Запада и Востока что вы можете противопоставить «Тихому Дону»? Великий шолоховский эпос является нашим могущественным оружием. Благодаря его бессмертному «Тихому Дону» мы стали завоевывать молодежь, студенчество. Шолоховский эпос — «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека» — это высшие достижения социалистического реализма. И Шолохов — это не просто великий русский писатель, он уже давно принадлежит всему прогрессивному человечеству. Шолохов — одна из величайших вершин в современной мировой литературе. Сила и мощь Шолохова в том, что его искусство зиждется на неувядаемых лучших традициях культурного наследия человечества, на глубочайшем и страстном чувствовании и понимании людской боли, страданий и радостей. «Тихий Дон» Шолохова учит — и это хорошо понимают читатели во всех уголках планеты! — учит ценить в человеке гуманность, поиск истины и справедливость. Вот этим Шолохов покорил мир!»

Нобелевская премия по литературе 1965 года вызвала множество откликов в арабской прессе, где, сердечно приветствуя автора «Тихого Дона», подчеркивалась его верность социалистическому реализму и гуманизму.

Среди этих откликов на присуждение Шолохову Нобелевской премии в арабской прессе, на наш взгляд, наиболее интересна с большим знанием предмета написанная статья ливанского поэта и литературоведа, доктора Мишеля Сулеймана в журнале «Аль-Улум» № 10 1965 года.

Прекрасный писатель и переводчик многих произведений советской литературы, в том числе и четырех книг «Тихого Дона» (издан в Бейруте в 1966 году), Мишель Сулейман дал самый лучший и полный перевод шолоховской эпопеи, так как переводил не с сокращенного английского, а с великолепного, весьма близкого к оригиналу французского перевода Василия Сухомлина и Сюзанны Кампо (Париж, «Пайо»).

Доктор Мишель Сулейман указывает, что «уже первым произведениям Шолохова был свойствен стиль, который мы позволим себе назвать **шолоховским»**. По мнению М. Сулеймана, Шолохов является новатором не только как самобытный стилист, как писатель-гуманист, поставивший и осветивший неизвестные для западных писателей проблемы русской революции, но и как художник, открывший миру новые пласты человеческие,— духовное богатство простых людей.

* * *

Монография Абдель-Муним Субхи «От Дона к Нобелевской премии (М. Шолохов — вожак социалистического реализма)» является крупным вкладом в дело советско-египетских культурных связей. На арабском языке это первое значительное исследование о творчестве Шолохова и советской литературе.

А. Субхи пишет о том, что «после смерти М. Горького имя Шолохова стало первым в советской литературе». Силу Шолохова он видит в его таланте, в глубочайшем знании всех противоречий жизни: «Реальность героев Шолохова в том, что они из плоти и крови, как живые люди. Сила Шолохова не только в том, что он талантливо показал современную советскую жизнь, но главное в том, что он, как никто другой из советских писателей, сумел вскрыть внутренний, духовный мир советского человека, и читатели всей планеты увидели: **новый человек строит новую жизнь».**

По мнению Субхи, «в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» читатели всего мира получили ответы на вопрос: что же произошло в России?». И сила этих ответов так впечатляюща и могуча, что «дает объяснение многим явлениям, которые важны не только для сегодняшнего дня, но и для завтрашнего». Более того, художественные обобщения Шолохова и их очарование «становятся символом борьбы для любого человека во имя жизни миллионов людей». И «все эти моменты,— говорит А. Субхи,— дают основание сказать, что Михаил Шолохов является отцом современного советского романа... по всем его ипостасям — форме, методу, языку».

ВДОХНОВЕННЫЙ КРАЙ

На фото: М. А. Шолохов с исполнителем роли Давыдова артистом П. Г. Черновым.

Донское раздолье. Неоглядные степи. Вишневые зори. Полдень, залитый солнцем. Низко над степью плывут курчаво-снежные облака...

Неохватный зеленый ковер донского разнотравья стелется по земле до самого днища Алешкиной балки. Тонко струится над покатыми склонами сладко-пряное дыхание степи.

Сгущаются краски. На глазах темнеют торчащие над курганом крылья старого ветряка, и край неба, где догорает вечерняя заря, уже весь охвачен багряно-лиловыми перекатами...

Удивительная казачья сторона! Как трудно сказать о тебе что-то новое, не повториться!

Да, очень нелегко тому, кто пишет, да и тому, кто снимает донской край, увидеть его со своей, непротоптанной стежки.

Но именно свое, запоминающееся слово сказали в новом цветном документальном фильме «Вешенская земля» работники Ростовского телевидения (сценарий А. Агафонова, режиссер Ю. Калугин, оператор В. Тимошенко).

В фильме не так много кадров, где мы видим Михаила Шолохова. Но его присутствие ощутимо в каждой сцене. Все, что проходит перед нашими глазами, имеет прямое отношение к жизни писателя, к его добрым делам.

Несколько десятилетий назад на Верхнем Дону серьезно забеспокоились: на станицу Вешенскую неотвратимо надвигались пески. Нужно было остановить их. И вешенцы остановили. Большое содействие землякам оказал депутат Шолохов. Он помог организовать механизированное лесное хозяйство, лесоопытную станцию. Связался с учеными. В бой против наступавших песков пошли густые посадки сосен и тополей. В фильме все это показано выразительно: многие детали, подмеченные авторами, органически сливаясь, создают широкую картину современного Дона.

Короткий спуск с пригорка к роднику, что бьет в прохладном яру... Неспешно поднимается по стежке молодая казачка, на плечах — коромысло с двумя ведрами. И сразу смена кадра: всесильная «Нива», обветренное и опаленное солнцем лицо комбайнера, широкие степные дороги, доверху загруженные зерном машины...

А вот жители хутора Антиповского, их традиционные майские скачки. И как не запомнить юного вихрастого казачка, который наметом мчится за всадниками, пытаясь догнать бывалых казаков...

На экране — Михаил Александрович и Мария Петровна Шолоховы... И так хочется остановить ленту — оставить в памяти это прелестное Старое озеро, куда Шолоховы приехали на рыбалку, где автор «Тихого Дона» показан в часы отдыха.

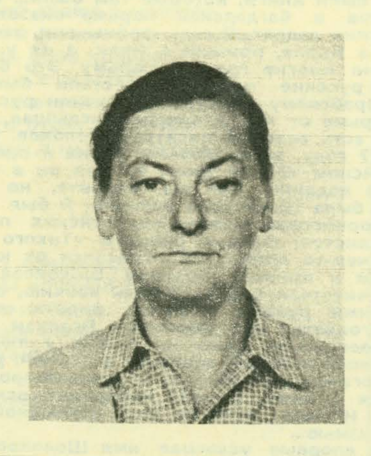
Несомненная удача фильма — кадры, посвященные детворе Дона... Станичная учительница читает ребятам шолоховского «Нахаленка». Надо увидеть глаза юных земляков писателя, чтобы почувствовать всю глубину душевной их привязанности к Шолохову!

Картину сопровождают народные казачьи песни, пленительные и широкие, как сам тихий Дон.

Фильм завершается словами Шолохова: «Я родился на Дону, в районе станицы Вешенской, где разворачиваются события моих книг, и там живу сейчас. Нас невозможно разделить».

Именно такое чувство — нерасторжимости писателя с вдохновенным донским краем, с его народом — испытывают все, кто посмотрел этот фильм.

Михаил АНДРИАСОВ

ПАМЯТИ ДРУГА

Умерла Варвара Викторовна Кошкарева, многие годы отдавшая журналу «Огонек». Высокообразованный, принципиальный человек, она отличалась исключительной скромностью, неизменной готовностью помочь людям, самозабвенным трудолюбием. Ее жизнь была связана с работой на разных участках социалистического строительства, но с 1933 года она навсегда посвятила себя журналистике: «Комсомольская правда», «Известия», «Огонек».

Варвара Викторовна пришла в «Огонек», вернувшись с фронта, где работала санитаркой, и сразу же завоевала симпатии, уважение всего коллектива. За самоотверженный труд Варвара Викторовна была награждена орденом «Знак Почета». Уйдя на заслуженный отдых, В. В. Кошкарева до последнего часа сохраняла связь с редакцией. Она умерла на 69-м году своей жизни после тяжелой болезни.

Светлая память о В. В. Кошкаревой навсегда сохранится в наших сердцах.

Из широких окон управления Мурманского торгового порта были хорошо видны залитые ярким майским солнцем оранжевые тракторы, готовые к отправке за 5 тысяч миль на фермы Северной Америки.

Однако говорили мы о другом: беседа шла об опасностях, подстерегавших в годы войны построенные в США транспорты типа «Либерти» («Свобода»), на которых в те суровые дни в Мурманск доставлялись танки, паровозы и другие грузы для мужественно сражавшейся Красной Армии.

Глядя на иностранных гостей, многие из которых были одеты в парадные военные мундиры, Марк Павлович Сучков, лоцман-ветеран, встретивший в начале 1942 года первые караваны союзников, с трудом сдерживал волнение. 7 мая иностранные гости приехали в Мурманск, чтобы принять участие в открытии памятника, посвященного совместной антифашистской борьбе.

Те же чувства испытывал и адмирал американского флота в отставке Сэмюэл Фрэнкел. Сидя за одним столом с представителями Австралии, Великобритании, Норвегии и Канады, он слушал Сучкова и вспоминал, как раненые русские уступали в госпиталях свои койки раненым матросам союзных кораблей. Фрэнкел, бывший в те годы, наверное, самым молодым капитаном первого ранга американских ВМС, руководил американской миссией в Мурманске и работал плечом к плечу с русскими.

Делегация, возглавляемая послом Австралии Джеймсом Плимсоллом и адмиралом Фрэнкелом, начала свое посещение города с визита к мэру Мурманска Виктору Федоровичу Романенко. Именно там гостям рассказали, что на основанный в 1916 году город было сброшено 185 тысяч фашистских бомб — по шесть бомб на каждого жителя.

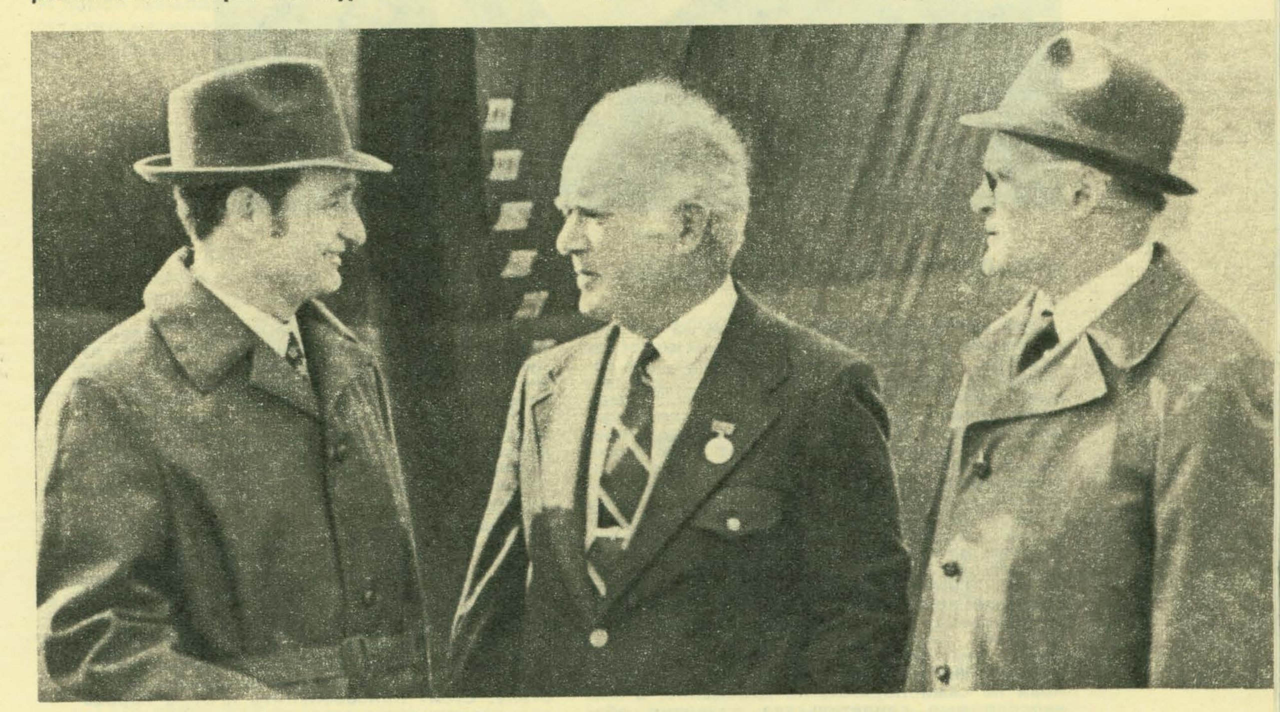
В тот же день Фрэнкел посетил могилы трех не вернувшихся домой американцев. Матрос Рассел Беннет, механик Томас О'Брайен и судовой стюард Морис Либмэм были похоронены вместе с более чем двадцатью другими погибшими моряками-союзниками на кладбище, сразу у выезда из раскинувшегося на трех террасах города.

«Для меня это самая волнующая минута,— сказал адмирал, возлагая цветы на могилы трех американцев.— Мурманск стал для меня вторым домом. Я потрясен и восхищен его современным обликом».

Во время открытия памятника на улице Челюскинцев адмирал сказал: «Мы должны хранить верность идеалам этих отважных людей. Мы не имеем права допустить, чтобы людская кровь вновь обагрила морские волны. Наш долг доказать, что жертвы тех, кому мы сегодня воздаем почести, были не напрасными».

Монумент в память о совместной борьбе стран антигитлеровской коалиции в годы второй мировой войны. Открыт в г. Мурманске 7 мая 1975 года.

Советские ветераны М. П. Сучков (слева) и Г. М. Красногорский беседуют с адмиралом в отставке С. Фрэнкелом (в центре) на пирсе Мурманского торгового порта. Фото автора.

В МУРМАНСКЕ—ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

А мэр Романенко сказал в своей речи, что опыт и взаимное понимание, обретенные в совместной борьбе с врагом, приобретают особое значение в условиях сегодняшней международной обстановки, характеризующейся поворотом от «холодной войны» к разрядке, к широкому сотрудничеству в различных сферах человеческой деятельности.

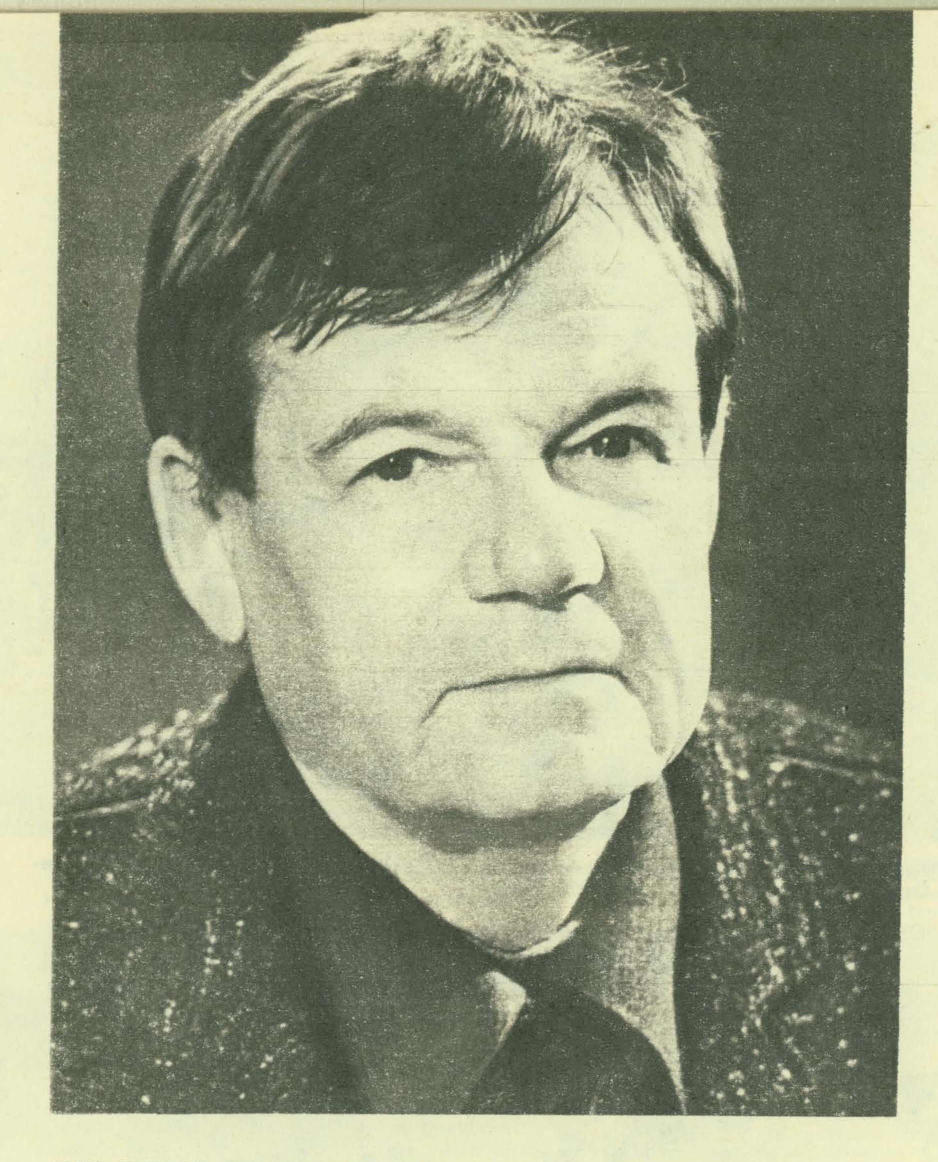
После торжественного открытия мемориала люди один за другим подходили к постаменту, над которым мощная бетонная рука держит земной шар, и молча стояли, читая надпись: «В память о совместной борьбе стран антигитлеровской коалиции против фашизма во время второй мировой войны...»

...Среди советских кораблей, принимавших участие в конвоях, был и пароход «Старый большевик». В экспозиции о второй мировой войне, занимающей два этажа Мурманского краеведческого музея, демонстрируется написанное по-русски письмо. Его послали капитану и экипажу «Старого большевика» члены секции № 3044 Интернационала рабочих в городе Байонна, штат Нью-Джерси, с приглашением к советским морякам побывать у них в гостях, пока корабль ремонтируется в американском порту.

Американские корабли, прорвавшиеся в Мурманск и доставившие военные грузы, уходили обратно не пустыми. Они везли в своих трюмах лес, апатит и другое ценное сырье, которым богат Кольский полуостров. Это был своего рода прообраз торговли, развивающейся ныне между нашими странами.

США и СССР разделяет большое расстояние. Но сотрудничество доказало, что его можно сократить. Несмотря на трудности, путь к взаимопониманию продолжает успешно преодолеваться.

Илай ФЛЭМ,
пресс-атташе посольства США
в Советском Союзе

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. МАРТЫНОВА

Это не кабинет ученого, хотя на столах, на полках, закрывающих стены,— книги по истории и культуре народов мира, по социологии, лингвистике, космогонии, по другим самым новейшим проблемам... Здесь каждодневно просматриваются и прочитываются сотни страниц. Здесь каждодневно творится, рождается, возникает чудо художественного слова. Иногда — это новое стихотворение, иногда — новелла, иногда — срочная журнальная заметка. Но к любому жанру Леонид Мартынов подходит как поэт и как первооткрыватель малоизвестного читателям материала, как исследователь и как ученый. Не случайно в сборнике стихотворений «Гиперболы», удостоенном Государственной премии СССР, он пишет: «Моя художественная мастерская, заваленная кипами газет, полна твоих блистательных примет...» Эти «блистательные приметы» сегодняшнего бытия важны для Леонида Мартынова не сами по себе, не самоценно, а как неоспоримые свидетельства развития, обогащения и усложнения современного мира. И этот мир взывает к поэту, требует от него исследовательского навыка, требует догадки, озарения, гипотезы, без которых невозможно обойтись ни в искусстве, ни в поэзии, ни в науке.

Однако художественная мастерская Мартынова ничего общего не имеет с кельей затворника или с «башней из слоновой кости» присяжного эстета. Нет, это каюта на корабле современности, откуда видна и звездная россыпь Вселенной и миллионы земных огней. Вот почему за этим письменным столом каждый звук резонирует, отдается долгим гулом в стихотворной строке. И глубоко прав поэт, когда он говорит:

...Удивительно мощное эхо.
Очевидно, такая эпоха!

Отзвук всемирных потрясений долетает до него из страны детства — из Сибири, из славного города Омска, где мальчиком-гимназистом он встретил Великий Октябрь. Но вот революционные песни сменяются песнями труда: молодой журналист Леонид Мартынов едет вдоль будущей трассы Турксиба, посылает в газеты короткие корреспонденции, пролетает на агитсамолете над Барабинской степью, спускается в алтайские рудники. Его кочевая, неуемная, жадная до всего нового и прекрасного юность совпала с юностью нашей страны, когда «дремотная Азия» будто бы враз очнулась, скинула изношенный малахай, взялась за кирку, за лопату и поднялась на насыпь железнодорожного полотна, на бетонную эстакаду, на доменные башни Кузбасса.

Но не одна растущая индустриальная мощь «страны Холодырь» волновала поэта. Не менее глубоко и сильно его увлекало героическое прошлое Родины, деяния и труды «птенцов гнезда Петрова», открытия ученых-«географусов», сибирские хроники ямщика Черепанова, подвиг безвестного русского инженера, который мечтал напоить водой засушливые степи и пустыни. Так родился ряд исторических поэм Леонида Мартынова, так русская советская поэзия обогатилась еще одной удивительно талантливой книгой.

...Говорят, что талант — это работоспособность, возведенная в высшую степень самоотдачи и беззаветного служения общему делу. Если окинуть единым взглядом все обдуманное и написанное Мартыновым, то, пожалуй, можно согласиться с этим изречением. Одни его переводы с венгерского, польского, чешского, словацкого, латышского, литовского, казахского, татарского и других языков составили бы целую библиотеку. Стоит присовокупить к этим переводам исторические исследования в прозе, вроде «Повести о тобольском воеводстве», или книгу автобиографических новелл «Воздушные фрегаты», или книгу, посвященную тайнам поэтического мастерства, чтобы понять, насколько велико, насколько органично для Мартынова желание «столковаться с целым человечеством и остаться все ж самим собой», высказанное им в стихотворении «Хочется сосредоточиться».

Остаться самим собой — значит быть художником своего родного народа, своей страны, своей эпохи, ибо только в разнообразии и богатстве связей с окружающим миром, в силе душевных переживаний, в значительности замыслов и планов кроется самобытность творческого «я».

Поэтическое перо Леонида Мартынова передает тончайшие, трудноуловимые, странно-фантастические оттенки этого «я», но оно же запечатлевает и облик России, равно как и душевный склад и характер современников, их пристрастия, вкусы, их убеждения и мечты. Постигнуть то и другое, вернее, постигнуть и выразить через магический кристалл поэзии все эти связи и эти судьбы в органическом единстве, в полной нерасторжимости помогает Мартынову седьмое чувство — чувство будущего или «уменье видеть грядущее въявь». Именно этим чувством озарены творческие искания художника.

Одну из своих лучших книг Леонид Мартынов назвал «Первородство». «Мы те, которых не бывало прежде» — в этой строке заключен смысл творчества выдающегося поэта наших дней. В этой строке — источник его неисчерпаемого вдохновения.

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ПУТЬ ВВЫСЬ

В утренние часы
Куст от птички, клюющей ягодку,
Отряхивается, как от капли росы.
— Отряхивайся, отряхивайся!—
Щебечет птичка, вися
На кустике, прежде чем с ветки
сорваться
Не вниз, а, наоборот, в небеса,
То есть туда же, куда улетает в конце
концов и роса.

ВЕТЕРОК

Тот ветерок,
От которого,
Думалось, веет прохладою —
Что-то крепчает он здорово
Так, что срываются, падая,
Рано увядшие листики,
И по законам баллистики
С яблонь срывает он яблоки...
Мечутся в море кораблики,
Доки, плавучие фабрики,
Кажется — даже флотилии...
Это уже не идиллия!
Очень он жуткого норова,
Тот ветерок, от которого...

ПОД ГРОХОТ ПРИБОЯ

Тонем! Гибнем!
Я вырос под вопли и стоны эти,
Продолжающиеся тысячелетья.
Вековечное кораблекрушение
Не кончается. И на якобы тонущем
корабле,
Изменяющем свои названья
и очертания —
То он «Титаник», то «Лузитания»,—
Умирают и нарождаются новые
и новые поколения
Будто бы на твердой земле.
А может быть и наоборот,
Под несмолкаемый грохот прибоя
Неутопающий древний ковчег, попадающий
в новый и новый водоворот,
Преображается в парусник, в пироскаф,
в пароход, в теплоход
Или в атомоход с белоснежно-красивой
фальшивой трубою!

ВОДИТЕЛЬНИЦА ГРОЗОВИКОВ

О, Роза ветров,
Не грузных грузовиков,
Но грозных грозовиков,
Не розовая, но грозовая водительница,
Куда ты перевозишь груз облаков,
Радуг, туч, ливней стремительный
грузопоток
То с юга на север, то с запада на восток?
Видишь: лучики сели на водосток.
— Дай вытереться!
Но отвечает капотов своих охладительница:
— Разве вам неизвестно, что земля шар
Необычайно причудливой формы
И когда на одной стороне
преждевременный жар,
на другой холода упорны?
И свои караваны грозовиков для
восстановления
равновесья
Так и гоню постоянно во веки веков и там
и здесь я!
Но иногда от работы и ночь и день и у меня
бывает мигрень,

РВОРОДСТВО

Иногда даже снежная шапка из нежного
льда у меня
набекрень,
Иногда у меня даже вьюжная юбка
в жемчужной пыли,
Как у Земли!

ЖИЗНЕЛЮБЫ

В самом деле
Неспроста ведь,
Несмотря на обещанья,
Не сумели вы оставить
Завещанье на прощанье.
Почему не завещали,
Чтобы пребывать в печали
Не досталось никому бы?
Почему не завещали,
Чтоб друг дружку мы встречали
Только поцелуем в губы,
Источая обаянье!
Вы, что жили беспечально,
Нам такого состоянья
Завещать нотариально
Не сумели,
Жизнелюбы!

ТУМАНЫ И ТУМАННОСТИ

Туманы
В мантиях
Ходили по земле,
И тихо реяли в небесной мгле
Туманности в мантильях, как на крыльях,
И о земных деяниях злодейских
Туманы в одеяниях судейских
Взывали к небесам и в том числе
К туманностям, закутанным в вуали,
Туманы в мантиях, как доктора наук,
К туманностям, которые едва ли
Внимали им: гигантшам недосуг
Услышать гномов! Слишком велико
Различье было. Плыли высоко
Над сирым миром воздыханий слезных
Туманности в своих мантильях звездных!

●

Есть
Старомодный возглас:
— Виноват!
Так возглашая, лезли напролом
В былом, кто по натуре хамоват.
Но я столь тесно не соприкасал
Себя ни с кем — ни с другом,
ни с врагом,—
И виноват скорее лишь в другом:
Я виноват, что душ не потрясал
И не разбил иллюзий я ничьих,
О явной яви к небу вопия.
Уж что-то где-то больно я притих.
И если почему-то говорят,
Что где-то, кто-то в чем-то виноват,—
Пожалуйста, считайте: это я!

ВОЛЬТЕРОВСКИЕ КРЕСЛА

Передо мною
Прошлое воскресло,
Но я не летописец и не мних,
А вижу я вольтеровские кресла
И вольтерьянцев, восседавших в них,
И якобинцам было в них не тесно,
И вижу фурьеристов молодых,
А вслед за этим, бог мой, всем известно,
Что было с петрашевцами! Затих
Звон кандалов, но в стародавних креслах
Все вновь за неслухом гнездился неслух,
Чтоб, не Вольтера взяв в учителя,
Но, долю с патриархами деля,
И бесов бездн и ангелов небесных
Ты порождала,
Русская земля!

СХОДСТВА

Дивен
Согнутый,
Как знак вопроса, посох.
Говорят,
Что был людьми простыми
Некий муж, языческий философ,
Спутан с христианскими святыми.
Путали
Античную богиню
Со средневековой герцогиней,
А ее с афинскою рабыней.
Так одни черты слились с другими
В этом мире, беспредельно емком.
И порой проходит дрожь по коже,
На кого мерещились похожи
Вы, о предки, нам, своим потомкам!

ТРЮМО

Жизнь
Выкидывает штучки.
Вещи происходят до того
Странные, что трудно разобраться:
Будто к деду с бабкой своего
Первенца молодожены
Порешили привезти,
А старик по телефону
Говорит, чтоб привезли трюмо
На себя полюбоваться.
— Как же так? Везем багаж, ребенка, да
еще везти трюмо!
— Ничего!
Пусть его возьмет внучонок в ручки
Да и смотрится в него!

КАРАУЛЬЩИК

С одним своим цветком знакомым
Хочу я нынче повстречаться —
Он многолетний...
Он многолетний, и за домом
Походит не на домочадца
Он, величавый...
Он караулит у Галины
Михайловны кусты малины,
Шар златоглавый!

НЕ БЫЛО ЕЩЕ ЗИМЫ

Не было еще зимы,
Но весне поют псалмы
И возносят аллилуи
Недалекие умы:
— Нынче не было зимы!
А зима из прелой тьмы:
— Погодите,
Не спешите
Песнопевствовать, ликуя,—
Не было еще зимы!

●

Я гусеницу сшиб, но не убил,
Пускай она останется в живых
Среди своих мохнатеньких сестер,
Скитаясь на пространствах полевых,
Но не по голове моей ползя:
Чего нельзя, того никак нельзя!
Но мошка, залетевшая в мой глаз,
Легко так не отделалась. Стряслась
Беда: слезясь, сожгла ее слеза.
О господи! Жужжа и егозя,
Не следует нахально лезть в глаза:
Чего нельзя, того никак нельзя!

НАВСТРЕЧУ ДНЮ

Гляну
Навстречу ночи —
Сон их не берет —
Фар маячат очи...
И наоборот.
Если не навстречу
Посмотреть, а вслед —
В мире красных стопов
Меркнет белый свет.
В мире красных стопов
Меркнет белый свет,
Но на черных тропах
Торможенья нет.
И она проскочит
Через западню
В мире красных стопов —
Ночь навстречу дню!

ИСТОРИК

А если бы историк наших дней
Не в современном жил, а в Древнем Риме,
Тогда, конечно, было бы видней
Всем древним римлянам, что станет с ними!

Но почему бы не предположить,
Что ныне между нами, москвичами,
Грядущей жизнью начинает жить,
Работая и днями и ночами,

Он, будущий историк наших дней,
И эта книга плачется, поется,
Лепечется, хохочется... И в ней
Проставить только даты остается.

●

До повторения охочи,
О, день за днем одно и то ж
Твердят они с утра до ночи,
И ты, их слушая, поймешь:
Как хорошо не повторяться,
И с повтореньями в борьбе
Как хорошо не покоряться,
Пусть даже самому себе,
И знать, что, им противореча,
Как будто ты и одинок,
Но, глядь, летит тебе навстречу
Снег с неба, сбивший всех их с ног!

ПЕВЕЦ

Перепевая самого себя,
Перебивая самого себя,
Переживая самого себя —
Так петь умеет только человек
И этим отличается от птиц,
Певец
И сочинитель
Небылиц!

ПРОСВЕТ НЕБЕС

Над линией,
Прямой почти,
Трамвайнотусклого пути
Средь пыльнолиственных завес
Вдруг он воскрес —
Просвет небес.
Он заблистал меж вялых крон,
И вдруг почудилось, что он
Через вагон шмелей и ос
Свою блистательность пронес
И спрыгнул вниз, в толпу берез,
Как будто он и ни при чем,
Сквозь нас промчавшийся смерчём
Над кувырканием колес!

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

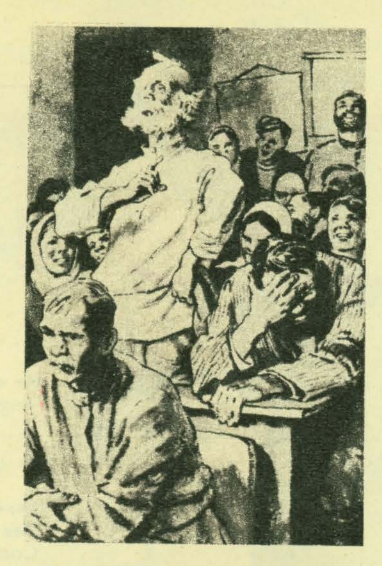
Михаил
ШОЛОХОВ

Собрание сочинений
в восьми томах

ТОМ
6

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА. 1975

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

Михаил
ШОЛОХОВ

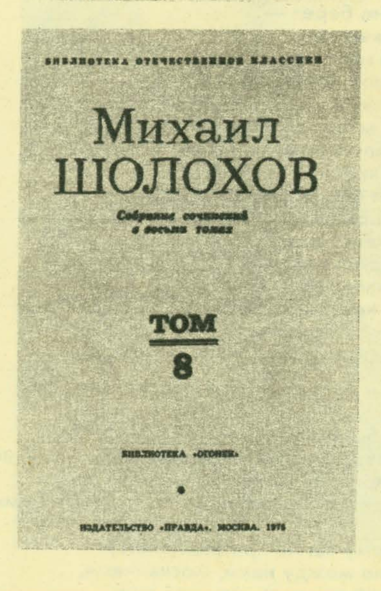
Собрание сочинений
в восьми томах

ТОМ
7

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА. 1975

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КЛАССИКИ

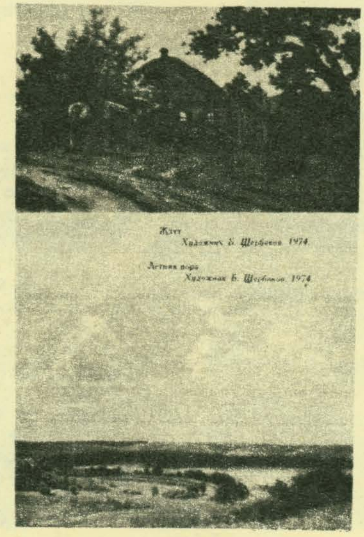
Михаил
ШОЛОХОВ

Собрание сочинений
в восьми томах

ТОМ
8

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА. 1975

ШОЛОХОВ
В ИЗДАНИИ «ОГОНЬКА»

Завершено издание юбилейного собрания сочинений Михаила Шолохова.

В шестом томе напечатана вторая книга романа «Поднятая целина» с иллюстрациями О. Верейского. Главы из романа «Они сражались за Родину» и рассказы (иллюстрации П. Пинкисевича) вошли в седьмой том. В восьмом, заключительном собраны очерки, статьи, фельетоны, выступления М. А. Шолохова; иллюстрирован том пейзажами работы Б. Щербакова и фотографиями Н. Козловского.

Новое собрание сочинений Михаила Шолохова завершается статьей Юрия Бондарева о творчестве писателя.

КУБОК КУБКОВ В КИЕВЕ

Армейская команда из Софии, западногерманская «Эйнтрахт», турецкая «Бурсаспор», голландская «Эйндховен» стояли на пути киевских динамовцев в борьбе за один из самых почетных призов международного футбола — Кубок кубков. И вот, сыграв с каждой командой по два матча, забив 14 голов и пропустив всего 5, выиграв семь матчей из восьми, киевские динамовцы завоевали право выступить в финале.

На нейтральном поле в Базеле наш сильнейший футбольный клуб встретился с венгерской командой «Ференцварош», и 14 мая на два часа внимание всей спортивной Европы было приковано к швейцарскому городу, который футбольной столицей никак не назовешь. Но такова уж сила телевидения: границы старенького стадиона «Сент-Якоб» неоглядно раздвинулись, и миллионы людей — знатоков и любителей футбола — смогли стать свидетелями захватывающей борьбы двух лучших команд континента.

Киевляне с первых же минут матча полностью овладели положением, навязали венгерским футболистам свой темп, и уже на 17-й минуте один из лучших форвардов не только киевского «Динамо», но и всего советского футбола Владимир Онищенко забил первый гол. Через 22 минуты он увеличил счет, а во втором тайме Олег Блохин закрепил победу своей команды.

Десять лет тому назад киевские динамовцы впервые испытали свои силы в борьбе за Кубок кубков, и вот теперь они осуществили свою давнюю мечту: президент Европейского Союза футбольных ассоциаций Артемио Франки вручил капитану динамовцев Виктору Колотову почетный трофей.

Теперь Кубок кубков прописан в Киеве.

Базель. 14 мая. Владимир Онищенко (слева) забивает гол в ворота «Ференцвароша».

Телефото ЮПИ — ТАСС

ВАЖНАЯ ПОБЕДА

Киевские динамовцы, прилетев домой с Кубком кубков, чуть ли не с самолета отправились на тренировку — им предстояло новое ответственное выступление, на сей раз в роли игроков сборной СССР. Вторая встреча с ирландской сборной после поражения, которое потерпела наша команда осенью прошлого года, решала очень многое, только победа давала возможность сборной страны продолжать борьбу за право участия в финальных играх чемпионата Европы.

Сборная страны, в которую вошли игроки киевского «Динамо», с успехом провела этот трудный матч. Сначала Олег Блохин, а затем и Виктор Колотов забили мячи в ворота ирландцев, которые смогли ответить лишь одним голом.

Теперь у сборной СССР четыре очка после трех игр. Осенью команда продолжит свои выступления в шестой группе, встретившись со сборными Швейцарии и Турции.

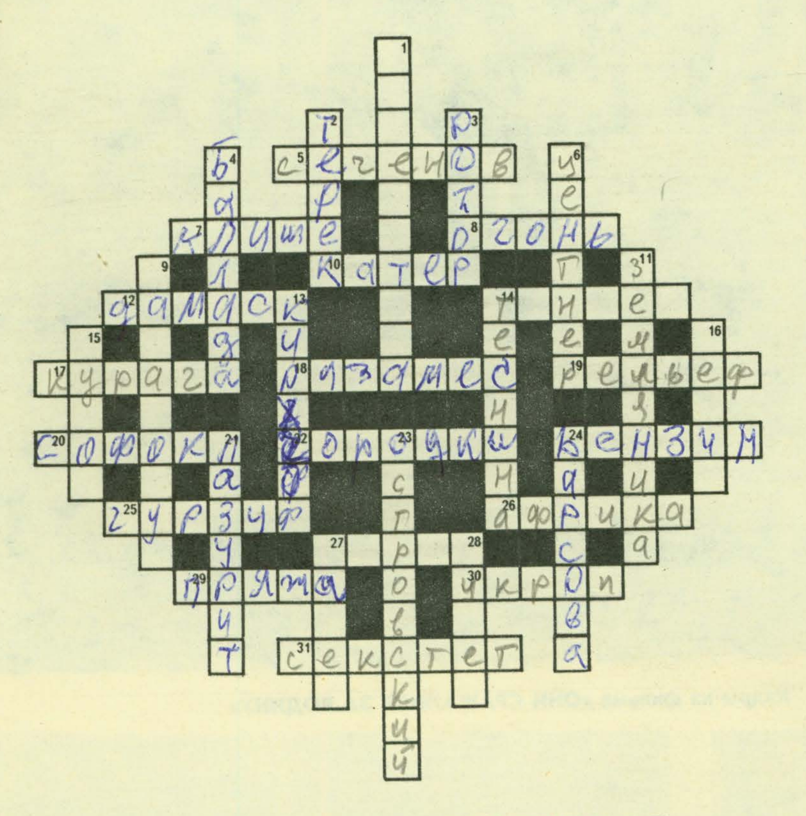
Киев. 18 мая. Футболисты сборной СССР атакуют ворота ирландцев.

Телефото А. Поддубного и В. Самохоцкого

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский естествоиспытатель. 7. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 8. Роман А. Барбюса. 10. Небольшое судно. 12. Столица Сирии. 14. Двухместный велосипед. 17. Сушеный абрикос. 18. Действующее лицо оперы Д. Верди «Аида». 19. Выпуклое изображение на плоскости. 20. Древнегреческий драматург. 22. Спортивная игра. 24. Моторное топливо. 25. Курорт в Крыму. 26. Материк. 27. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 29. Нить, применяемая для изготовления тканей. 30. Огородное растение. 31. Ансамбль из шести музыкантов.

По вертикали: 1. Раздел механики. 2. Река на Северном Кавказе. 3. Вращающаяся часть турбины. 4. Стихотворное произведение. 6. Мера веса. 9. Горная система в Азии. 11. Ягода. 13. Немецкий физик. 14. Узкая глубокая долина. 15. Озеро в США и Канаде. 16. Спутник планеты Сатурн. 21. Минерал синего цвета. 23. Советский писатель. 24. Певица, народная артистка СССР. 27. Грамматическая именная категория. 28. Рассказ А. П. Чехова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 4. Незабудка. 5. Биссектриса. 8. Венера. 9. Абакан. 14. Фреска. 15. Волокно. 17. Оптика. 18. Километр. 19. Некрасов. 20. Шарнир. 21. Крыльцо. 24. Январь. 27. Аносов. 28. Окорок. 29. Нумизматика. 31. Аргентина.

По вертикали: 1. Лубок. 2. Индиана. 3. «Барсуки». 6. Сорго. 7. Рубин. 8. Викторина. 10. Направник. 11. Кенитра. 12. Голавль. 13. Шикотан. 15. Виток. 16. «Озеро». 22. Риони. 23. Цукат. 25. Попугай. 26. Трактат. 30. «Манас».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ. Снимок сделан 27 апреля 1975 года.

Фото Н. Козловского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Художник Б. Щербаков. ДОМ, ГДЕ РОДИЛСЯ ШОЛОХОВ (Хутор Кружилин) * ДОН ТИХИЙ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/V—75 г. А 00584. Подп. к печ. 20/V—75 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1241. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 528.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

За несколько дней до кинопремьеры «Они сражались за Родину» в редакции нашего журнала состоялся просмотр этой картины и встреча с творческим коллективом мосфильмовцев.

О работе над киноэпопеей рассказал ее постановщик Сергей Бондарчук, автор экранизации романа Михаила Шолохова.

Гостями редакции были также режиссеры А. Чемодуров и В. Досталь, работавшие вместе с С. Бондарчуком над созданием нового цветного двухсерийного художественного фильма.

СОЛДАТЫ СОРОК ВТОРОГО...

Н. ТОЛЧЕНОВА

В новую картину Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину» прежде всего вместилась сила шолоховского свершения; уже этим определяются ее глубина, ее впечатляющее воздействие.

Облику солдат, сражавшихся в Сталинградской степи, — облику физическому, но еще более духовному — нужен был сплав трагедийности и простоты, крепкого народного юмора и тончайшей психологической, личностной незаурядности. Все это нашлось в арсенале съемочного коллектива, созданного С. Ф. Бондарчуком.

Конечно, дни боев, о которых рассказано в романе, а теперь и в новом фильме,— это еще не вся война. Но это те самые дни, когда утверждалось в душе советских воинов ощущение нравственного превосходства над врагом, крепла сломившая врага наступательная сила.

Как и в шолоховском романе, каждый солдат у Бондарчука — герой, личность неповторимая. За каждым — своя судьба, свой вклад в нелегкое дело будущей победы.

Мне довелось видеть этот фильм много раз, начиная с только что отснятых кадров. Поздними вечерами после горячего съемочного дня Сергей Федорович Бондарчук иногда просматривал материал, накапливаемый для будущей картины. Происходили эти просмотры в глубинных недрах теплохода «Дунай», пришвартованного к берегу Дона и таким образом превращенного в базу киногруппы, которая с весны и до осени 1974 года напряженно работала здесь над экранизацией шолоховского произведения. Многие кадры тогда можно было увидеть еще и в дублях. И порою трудно было решить, на чем же остановит потом режиссер свой выбор...

Съемки обычно начинались по утрам и шли до позднего вечера, а когда требовалось, то и ночью. Наблюдать за ними было всегда очень интересно.

Сейчас солдаты, с боями уходившие за Дон, кажутся в фильме словно слитыми неразрывно с землей, с неоглядной степной ширью. Невольно у зрителя возникает какое-то непередаваемое, волнующее чувство единства земли с самим образом ее защитни-

ков; и земля и люди одинаково опалены солнцем, одинаково полны силы сопротивления...

Именно такими я впервые увидела во время съемки стоявших в узком окопчике Василия Шукшина и Алексея Ванина, снимавшихся в ролях солдат: Петра Лопахина и Акима Борзых.

Близко, чуть не вплотную наклонившись над окопчиком, Бондарчук вполголоса разговаривал с артистами — Шукшиным и Ваниным, уточняя их актерскую задачу, углубляя внутреннее состояние. И ведь только теперь видишь, что сложнейшее это состояние нельзя было просто «сыграть». Все до единого артисты, снимавшиеся в фильме, должны были прожить и прочувствовать все то, что Шолохов дает испытать героям... Именно поэтому картина так сильно трогает зрительские сердца.

Будут написаны Михаилом Александровичем Шолоховым новые главы романа. И снова вернется к ним кино... Но, думается, уже сейчас новый фильм Сергея Бондарчука стал дальнейшим творческим открытием Шолохова нашим кинематографом.

Советский человек, изумивший весь мир величием души, достоинством и нравственной красотой в «Судьбе человека» с Сергеем Бондарчуком — Андреем Соколовым, предстал в новом фильме как явление еще более значительное. Как явление, покоряющее единством, целостностью, и вместе широко разностороннее, если говорить о характерах героев фильма: они все неповторимы.

Поэтому-то новый фильм стал и продолжением ранее начатой художником темы и одновременно ее развитием.

Если Андрею Соколову в «Судьбе человека» суждено было выйти за рамки обыденности, чтобы стать зримым воплощением судьбы человеческой, вобравшей в себя судьбу народную, то в новой картине как бы уже весь народ множеством судеб своих заявляет о себе. Заявляет живыми голосами, непохожими друг на друга характерами...

Все это, разумеется, было заложено в шолоховском произведении, в постепенно публиковавшихся в печати главах романа М. А. Шолохова. Однако же мы знаем, что именно с тех пор Сергей Федорович Бондарчук уже начал думать об экранизации романа. Он сам говорит, что был покорен его кинематографическими возможностями. И сейчас, читая режиссерский сценарий, видишь Шолохова, и только Шолохова: строки романа строго определяют и самую композиционную структуру задуманной Бондарчуком экранизации, и весь образный строй, всю стилистику фильма, вышедшего на экраны страны.

Измотанный, полуразбитый полк, в течение всего лишь нескольких дней сражавшийся в Придонских степях летом 1942 года, представлен в картине С. Ф. Бондарчука известными талантливыми актерами, мастерами кино, которые — все вместе и каждый порознь — создают яркое представление об истоках советского героизма.

Все солдаты — на редкость разные и, быть может, поэтому еще не очень контактные на первых порах люди. Но постепенно общая их беда, как и общая задача, рождает все более тесные душевные связи... Непрерывно меняется боевая обстановка, и с каждым днем, с каждым часом крепнет солдатская дружба, усиливается боевой, наступательный дух.

Именно этими — нравственными критериями — меряет Бондарчук-режиссер всех своих солдат, начиная с собственного героя, бывшего колхозного комбайнера Ивана Звягинцева. Безошибочно «угадан» режиссером и Петр Лопахин в облике Василия Шукшина, неподдельно остром, беспокойном... Его герой — человек умный и напористый, весело-злой. В нем живет нетерпеливое, прямо-таки сжигающее его стремление всеми силами ускорить решающий поворот в событиях войны; кстати сказать, он их понимает, разбираясь в ходе боев умно и талантливо, с резкостью и прямотой, свойственными его натуре.

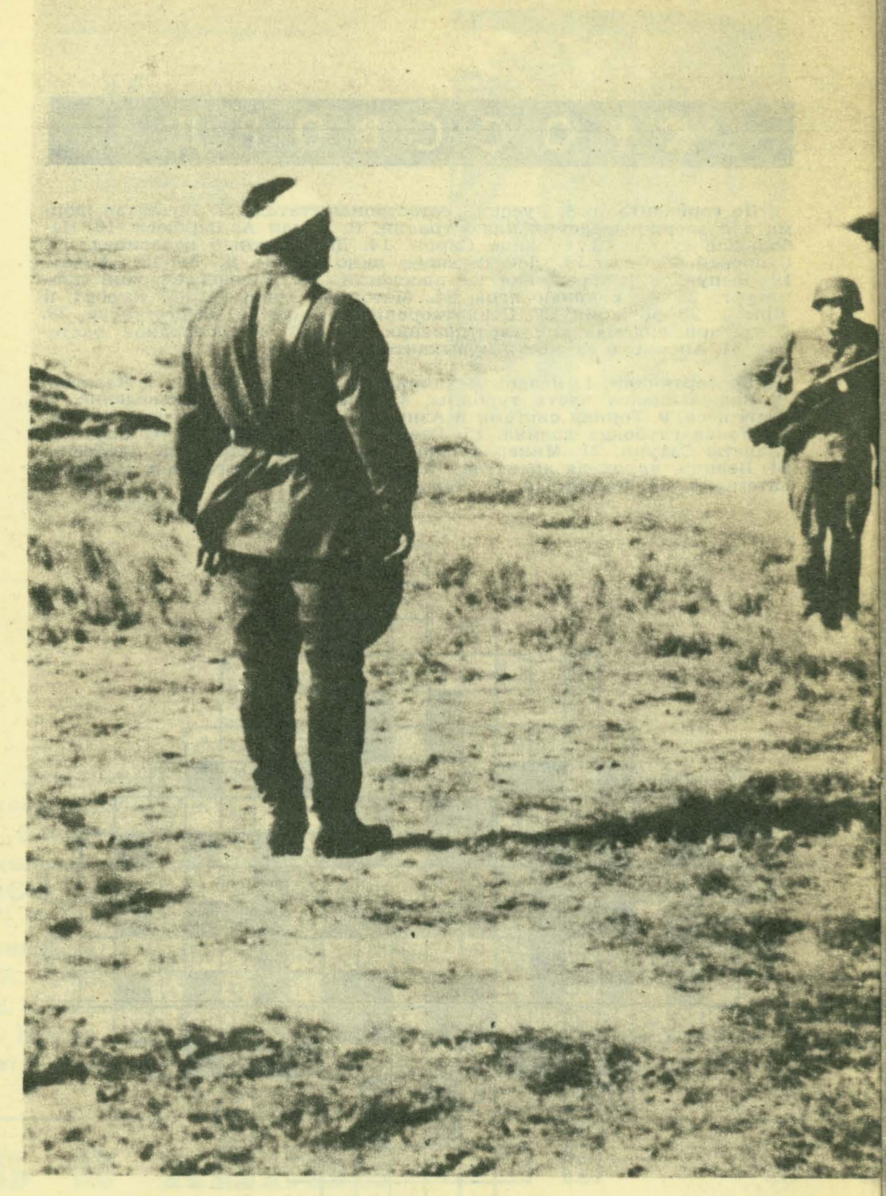
Вот они идут, один за другим, солдаты непобежденного, более того, уже отчетливо несущего в себе чувство победы полка. И вдруг стоп-кадр выхватывает из солдатских рядов крупным планом лицо Лопахина — Шукшина. Оно проникновенно. Все в нем дышит силой мысли. Таким был в жизни и сам Василий Макарович Шукшин...

...В этом фильме, где речь идет об отступающей с боями части, в конечном счете побеждают все. И не только Звягинцев и Лопахин. Таков же подвиг Стрельцова — образ, воплощенный Вячеславом Тихоновым; таков подвиг маленькой медсестры, которую сыграла московская школьница, ныне студентка ВГИКа Татьяна Божок.

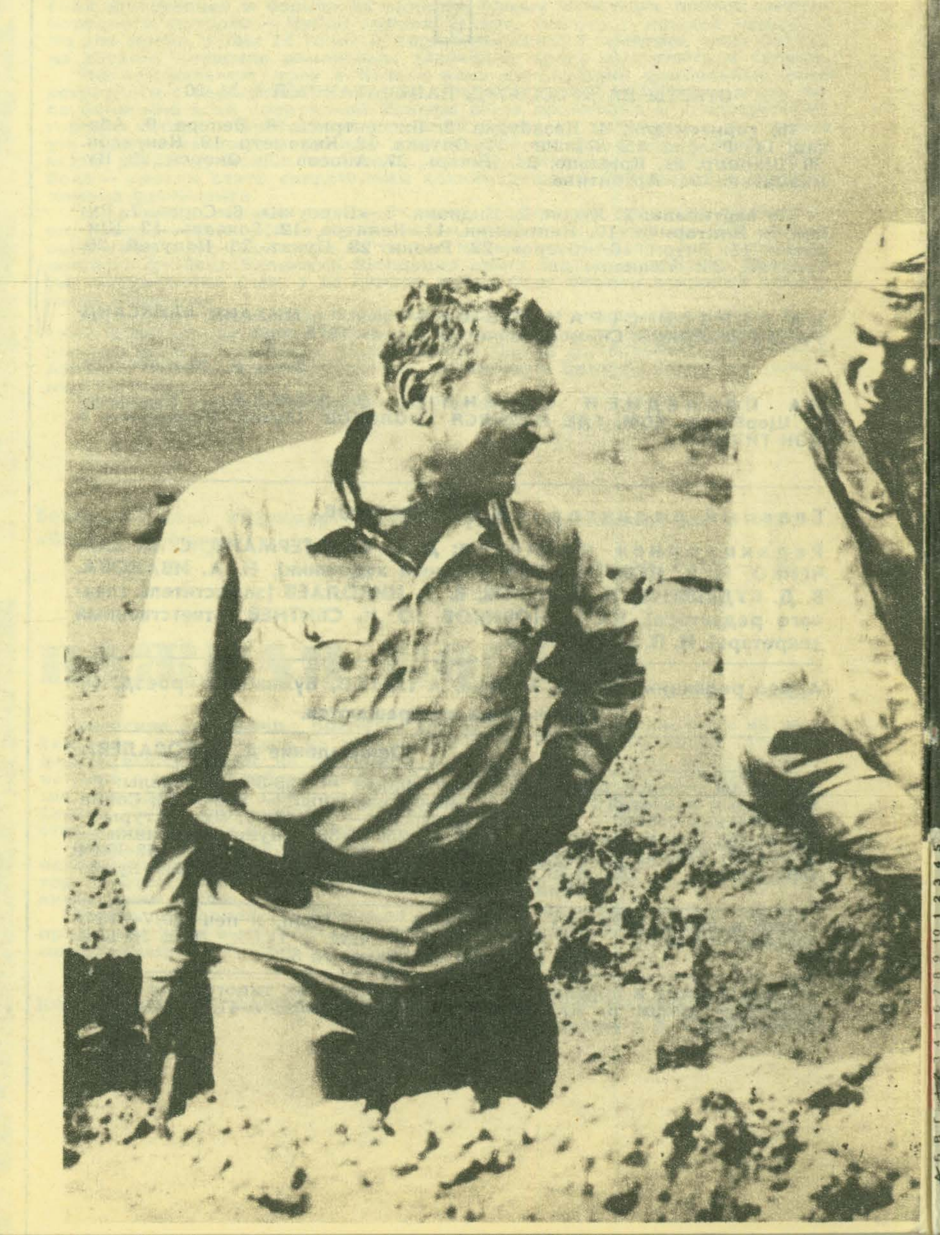
Артисты и сами говорят о том, что они полюбили своих героев, почувствовали их душу; отсюда острая типичность, высокая образность исполнения всех ролей. Это и старательный, хотя еще и не очень умелый, трогательно привязанный к Лопахину боец Копытовский, отлично сыгранный Георгием Бурковым, и степенный сибиряк Аким Борзых — Алексей Ванин, и совсем немолодой старшина Поприщенко — Иван Лапиков, и многие другие... Достаточно сказать, что среди этих «других» такие творческие имена, как Ангелина Степанова, Ирина Скобцева, Нонна Мордюкова, Лидия Федосеева, Юрий Никулин, Иннокентий Смоктуновский, Николай Шутько и Николай Губенко, Андрей Ростоцкий...

Да разве назовешь всех, кто вложил свой труд, свои силы в эту картину, и среди них, конечно же, оператор Вадим Юсов, художник Феликс Ясюкевич, композитор Вячеслав Овчинников... Все они вместе создали этот суровый и вдохновенный, мужественный фильм, где есть и страшное напряжение боя, есть кровь и смерть, но есть и шутка и доброта, смех и улыбка; есть вечная и неистребимая радость жизни, счастье дружбы... Есть яростный азарт войны, но есть и милосердие: глубоко нравственное, справедливое отношение советского солдата ко всему, что происходит вокруг. И, наконец, крепнущее не по дням, а по часам великое боевое товарищество, ощущение еще далекой и такой трудной, но приближающейся победы.

И вот фильм окончен... А ты все еще сидишь молча, не в силах сбросить с себя странное и сильное оцепенение. Магия времени, вернувшая тебе жизнь, чувства, подвиги героев, солдат 1942 года, все еще держит тебя в своей непостижимой власти...

Кадры из фильма «ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ».

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663